

18+

ОЛЬГА ИЛЬИНСКАЯ

ИЗ ЖИЗНИ ФОТОМОДЕЛИ ЗИНГЕР

Ольга Ильинская

Из жизни фотомодели Зингер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860008

ISBN 9785005147653

Аннотация

История девочки, которая познаёт мир. Не только юной Алисии Зингер, но и её друзьям придётся убедиться, что без любви – всё ничто... Алисии Зингер удалось стать топ-моделью и подписать фантастически выгодный контракт, который таил в себе опасный сюрприз. Но! Она сказала то, что слышала с детства: «Русские не сдаются!».

Содержание

«ИЗ ЖИЗНИ ФОТОМОДЕЛИ ЗИНГЕР»

6

Конец ознакомительного фрагмента.

118

Из жизни фото модели Зингер

Ольга Ильинская

История о девочке, которая познаёт мир.

© Ольга Ильинская, 2020

ISBN 978-5-0051-4765-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Главной героине и её друзьям придётся убедиться,
что без любви – всё ничто.*

ТЭГЛАЙН: «Русские не сдаются!»

Ольга Ильинская

«ИЗ ЖИЗНИ ФОТОМОДЕЛИ ЗИНГЕР»

«You never choose love. Love chooses you».

*(...ты никогда не выбираешь любовь... любовь
выбирает тебя...)*

1

Фотомодели Алисии Зингер исполнилось двадцать лет. Событие никак не отмечалось, ведь виновница торжества была твёрдо уверена, что здравомыслящие люди не празднуют дни рождения, ибо каждый год неминуемо ведёт к смерти. Алисия не была философом; это как-то само придумалось, а потом укоренилось с того дня, как она переехала жить в Нью Йорк из Москвы. А, может, она где-то слышала такое умное и запомнила? И согласилась с этим умным! В общем, неизвестно, но сейчас она придерживалась неукоснительного правила – игнорировать свой день рождения. Баста!

Ей нравилось умничать и чувствовать себя интеллектуалкой. В школе она училась неважно, если не сказать плохо. Точные науки элементарно не давались, а гуманитарные просто утомляли. В связи с этим мечты у Алисии были скромными, но очень реальными: лесотехнический техникум – уж техникум с грехом пополам она потянет! – место в лесничестве, муж и дети. Но волею судьбы Алисия очутилась в мо-

дельном бизнесе. Ничего хорошего там не нашла. С первых дней работы в агентстве только и слышала, что она – «суповой набор» («Лопатки торчат!»), жердина бесформенная, маломерка с неровными зубами и костлявыми ногами. Ругали её, но не выгоняли. (Сама уйдёт!)

Алисия переживала, ведь мало того, что без мозгов, так ведь и уродина, каких поискать! И найти другую работу не получалось! Наплачется и только соберётся убраться во-свояси, приказ из агентства: «На съёмки!», и едет, потому что предложение выгодное и высокооплачиваемое (платили немного, но для скромного бюджета Алисы более чем достаточно). А потом на неё свалился Нью-Йорк!

Её и здесь костерили на чём свет стоит! Но здесь было не так обидно. Чужбина.

Как она понимала ругательства в свой адрес, не зная языка? Всё просто. Она улавливала отношение к себе по взглядам, по жестам, тем еле уловимым движениям, которые расскажут о тебе больше, чем тысяча слов.

Обидно – необидно, а из Нью-Йорка куда убежишь? Не родителям же писать, мол, помогите, ой, трудно, ой, погибаю! Это она здесь, чтобы им помочь.

Вздыхала Алисия и покорялась обстоятельствам. А потом и обстоятельства покорились ей!

...Нежданно-негаданно российской фотомодели Зингер засветили такое предложение, от которого уж точно не отказываются! Если у тебя хоть капля ума осталась. (А Алисия

прикидывала, что у неё их было целых три!) Алисия, конечно же, согласилась! Ей подсунули контракт. На целых три года! И контракт весьма денежный. А это значит можно жить припеваючи, на всё хватит: на шикарную квартиру, шикарную брендовую одежду и обувь, даже на ланчи в ресторанах. И мамке с папкой денег отплатить останется. Круто! Она, конечно, знает, что такой большой гонорар никогда не выплачивают полностью, здесь и сразу; его кладут на банковский счёт модели, и она может снимать ежемесячно только фиксированные суммы, а в случае форс-мажорных обстоятельств – при разрыве контракта по вине модели – девушка лишается всего. Кроме того, из этих средств будут вычитать огромное количество «зелёных» на налоги, оплату передвижений как по городу, так и по миру, гостиницы и разное другое. Но сумма контракта настолько впечатляющая, что при всех вычетах прожиточный минимум всё равно добротный. Для Алисии так почти состояние!

До уровня Линды Евангелисты она пока ещё не дотянула. Но всё равно уже не «кордебалетница» и не та нищенка из России. Выбилась в «топы»! Если не совсем звезда, то почти уж точно.

Уже второй месяц Алисия жила в квартире на сороковом этаже в «щепке» в центральной части Манхэттена. Весь Нью-Йорк как на ладони! Выйдешь вечером на лоджию – красота: город так и сияет огнями. А сама квартира-то какая! Всё в ней есть: и кухонька с современной встроенной техникой

(микроволновка, духовка, пароварка, гриль – фантастика!), и ванная с джакузи (это, правда, минус, Алисия любит ванну принимать с солью и маслами разными, но ничего, разберёмся) и, кстати, стены ванной все в мраморе! Натуральном!!! А комната так себе, метров тридцать от силы, не сказать, что большая, Алисия хотела просторную, чтоб было, где разгуляться – как представит, что сюда весь табор её родственников зайвится, как разместить всех? – но уж какая есть комната, такая есть. Зато с гардеробной! О, это такое интересное помещение с многочисленными полками, ящиками и ящичками, зеркалом, подсветкой, что там можно даже жить.

После тех лачуг, в которых Алисии пришлось ютиться, прилетев в Нью-Йорк, эта квартира казалась ей верхом совершенства. О какой ванне в тех лачугах можно было говорить? Скажите спасибо, если хоть душ есть. В одной лачужке попался такой душ, а точнее сказать, душик. Малюсенький, ободранный, кроме того, очередь туда следовало занимать с вечера. Модели эти – великие голодранцы – даже дрались за возможность помыться! Как тут не будешь мечтать о собственной ванне? Алисии спала и видела, как залезет в персональную белоснежную ладью, вытянет ноги и будет лежать, сколько душа пожелает. И ароматного масла в ванну побольше нальёт, и соли морской. И пены от души! До кучи, короче.

Всего один раз Алисия попала в такую волшебную длинную ванну в Москве (в гости приглашали). Она эту ванну запомнила и полюбила навеки. И когда выбирала квартиру,

всё талдычила брокеру: «С ванной вот такой, как лодка! Я только такие люблю!» Брокер была русской, в переводчике не нуждалась, однако ей поднадоело слушать одно и то же, показывая разные квартиры – девчонка явно выделяется – и она уговорила Алисию на вот эти покои в «щепке». И джакузи показала! «Каждая звезда должна иметь ванную с джакузи!» – сказала брокер. И Алисия опомнилась: она же звезда, спасибо, что напомнили! И согласилась.

В первый же день, даже не распаковав вещи, она залезла в джакузи и принялась переключать разные клапаны! А они что-то не переключались... Тогда Алисия вылезла, запахнулась в махровый халат и побежала по коридору искать мужика, который бы справился с вредной джакузи. (Так в России принято – не слесаря вызывать, а искать первого попавшегося мужика).

Волосы у Алисии были распущены, немного влажные, они вились и локонами падали на плечи. Вид у девушки, прямо скажем, оказался интригующий. А потом эта девушка вычудила. Постучала сначала то в одну квартиру, то в другую. Наконец, дверь открывается. Стоит красивый здоровый мужлан мексиканского типа. Алисия обрадовалась, да как! Чуть на шею ему не кинулась. А потом на только ей доступном английском и говорит: «Пойдёмте со мной в ванную». Что вы думаете? Он пошёл, не раздумывая? Вы правильно думаете.

Приходят. Алисия показывает ему джакузи и, как в театре пантомимы, рассказывает, что надо переключить. Мексика-

нец кивает, потом скидывает одежду и... Что тут началось! Алисия с визгом ускакала из ванной, чем насмерть перепугала здорового бугая. Как потом он объяснил полиции: «Красивая девушка затащила его в ванную, а потом давай кричать: „Помогите!“ Она мошенница! Денег хочет с него срубить!» Алисия, выслушав его версию, возмущалась долго и упорно. Мексиканец – проныра, всё врёт. Во-первых, она не красавица. Во-вторых, она ему доходчиво объяснила, что нужно разобраться с наглой джакузи, которая не слушается. А мексиканец? Как себя повёл? Не по-джентльменски. Стал раздеваться и её, Алису Михайловну Зингер, в джакузи за-таскивать. «Позор джунглям!»

На это полицейский возразил, что Алисия обманывает всех. Как же она не красавица, если профессия у неё для красавиц? Фотомодели некрасивыми не бывают. А она, Алисия Зингер – фотомодель. На что барышня за словом в карман не полезла и выдала: «Это недоразумение!»

Что было сущей правдой!

...Алисия Зингер родилась на Урале в маленьком посёлке Свердловской области, где жили сосланные в войну обрусевшие немцы. Звалась она тогда просто Алисой. Несмотря на то, то её фамилия имела много общего с фамилией еврея, создавшего шедевральный предмет – «Зингер», и чёрные глаза явно отрицали истинно арийское происхождение, никаких других кровей, кроме немецких, в их родовой ветке не наблюдалось. И в школе её, как других «немчат»,

дразнили «Немец-перец-колбаса», иногда Евой Браун. Алиса не знала, кто такая Ева, поэтому её нервы сохранялись. Огорчение доставляла злополучная машинка. Ну, да, марки «Зингер», которая имелась почти в каждом доме. «Эй, Зингер, иди чини «Зингер»! Или. «У нас вчера «Зингер чебурахнулась кверху задницей, ха-ха-ха!»

Когда Алиса пожаловалась на это отцу, он только рукой махнул: «Не Гитлер, и ладно».

Семейство Зингер считалось зажиточным. Один дом чего стоит! Двухэтажный красавец, просторный, украшенный разными плотницкими штучками. Во дворе – бравенькая летняя кухня, кирпичный гараж, здоровенный конюшня, скважина своя и колодец, а на задах, за огородом – баня. А хозяйство какое! Бык, три свиньи, коза Дарья, гусь Дурак.

Гусям имена давать не принято. Но однажды, когда этого гусака только купили и принесли домой, отец Алисы Михаил Петрович с размахом отметил полезное приобретение и, начав на радостях обниматься с гусаком, никак не мог от того отделаться. «Уйди, дурак! Да чего ты, дурак?» – только и слышалось во дворе. А на следующий день оказалось, что гусь приходит в неопишуемый восторг от слова «дурак» и бежит на всех парусах к тому, кто его произнёс.

Настоящим дураком в зингеровском зверинце был бык Лёха. Просто идиот рогатый! Алиса страсть, как боялась Лёху! Тот никого не признавал, выбежит из своего загона из конюшни – хоть караул кричи! Всех готов потоптать.

Однажды Алиса подоила Дашку и пошла с бидоном в дом. А Лёха как выскочит! Алиса бидон на землю, а сама – на крышу гаража. Лёха от такого пируэта ещё больше взбеленился: квадратную голову наклонил, глаза выпучил, потом в конюшню залетел и всю проводку с мясом выдрал. Алиса на крыше сидит, трясётся, все ноги в молоке. А Лёха, довольный, беснуется по двору. Дома никого, а значит, беснуйся, сколько хочешь. Лёха порядком потоптал огород, потом в малину ринулся. Редкий сволочной зверь!

Сидит Алиса, пригорюнилась. Ну, хоть бы кто на их улице показался! Смотрит, идёт кто-то. Обрадовалась! Мужчины. Да, Лёха мужиков побаивался. «Дядя Игнат, – запищала Алиса, – дядя Игнат Краузе! На помощь!»

Дядя Игнат быстро оценил обстановку, быстрым и деловым шагом зашёл на зингеровский двор и рявкнул со вкусом: «Фу!» Лёха любезно повернул голову в сторону камикадзе, озадачился немного, раздумывая о своём, о бычьем. Дядя Игнат несколько растерялся и даже испугался: что задумал странный злобный зверь? «А ну, сукин сын! – рявкнул что есть мочи дядя Игнат. – На место, гад ползучий, придурок жирный!»

На «жирный» Лёха обиделся и, встав на дыбы, ринулся на дядю Игната. Тот не захотел стать тореадором и успел убежать и закрыться в конюшне.

Выручила всех Алисина бабушка Берта Тимофеевна, папина мама. «Эт-т-то что ещё? – грозно спросила она, едва пе-

реступив порог своей усадьбы, нахмурила брови, руки в боки. – Я тебе покажу, чертяка, кто здесь хозяин!» Лёху вмиг проняло бабушкино увещевание, он напоследок тряхнул головой, затем облегчённо вздохнул и лёг на пузо.

А через неделю в районной газете появилась фотография, где Алиса была снята крупным планом, сидящая на крыше гаража, с задранным подолом, а внизу виднелась крохотная фигурка Лёхи, мирно лежащим на земле. Под фотографией виднелась надпись: «Какие опасности подстерегают людей в Сосновке? Этой девочке всего четырнадцать лет, но она едва не погибла на территории собственного дома».

Хохоту в себе, казалось, не будет конца. Алиса от пережитого позора не могла выйти из дома. И трудно сказать, чего она стыдилась больше, задранного подола или самой «быковой» ситуации, или того, что ей только-только исполнилось пятнадцать, а выглядит она младше?

– Эх! – укорила её сестра Кира. – Хоть бы прикрылась на крыше-то. Перед всем селом голышом. Тьфу!

И правильно сказала, в точку. Несмыываемый позор!

И Алиса решила уйти. Куда глаза глядят! Пусть потом ищут её. Она им: «Я плохая? Живите без меня!» Пусть потом уговаривают остаться, пусть ещё прощения у неё, непутёвой, попросят. А она всё равно уйдёт! И никто её не остановит.

У них пятеро детей в семье, она средняя, две тётки, две бабушки, дядька, кока, мамка с папкой. И все тычут – срам!

Уйти Алиса решила ночью, когда всё село дружно стихнет и засопит носом на разные лады. Собрала в пакет нехитрые вещички, сунула старенькие сланцы, запахнулась в ветровку и стала пробираться к входной двери, судорожно обдумывая планы на будущее. Переночевать можно будет у Людки-Мотоциклистки, а утром... Денег на билет хватит до районного центра, а там... Там незнамо-неведомо. Нужно что-то придумать.

– Ты куда? – вдруг запищал младший братик Рудик.

– На сеновал, спи! – цыкнула на него Алиса.

– А зачем? – не унимался Рудик.

– Спи, тебе говорят! – пригрозила ему Алиса.

А Рудик давай голосить:

– Бабушка Гизела! Бабушка Гизела!

Алиса показала ему кулак, но поздно. На верхотуре, втором этаже, скрипнули половицы, послышалась размеренная немецкая речь, и через минуту нижний этаж дома откликнулся на тяжёлую старческую поступь.

– Alles istin ordnung, бабушка Гизела, – поспешила заверить её Алиса.

Бабушка Гизела была мамина мама. Она не отличалась таким крутым нравом, как Берта Тимофеевна, папина мама, но что касается вопросов нравственности – являла собой самую вселенскую строгость.

Бабушка Гизела кивком приказала Алисе следовать за ней. И Алиса беспрекословно повиновалась.

Они поднялись наверх, в бабушкину комнату с таким низким потолком, что нормально во весь рост и не встанешь. На никелированной кровати, покрытой мудрёным лоскутным одеялом лежала подушка – бесценное Гизеловское сокровище. «Чистое золото!» – с гордостью говорила про подушку бабушка Гизела. Под золотом подразумевался лебяжий пух, скрытый под толстыми непробиваемыми наволочками.

Когда-то подушка являлась частью огромной пуховой перины. «Моё приданое!» – хвасталась бабушка. Но поредел гизеловские волосики, и вместе с ними поредело гизеловское приданое, ссохшееся до размеров жиденького квадрата.

Рядом с кроватью стоял сундук, очень смахивающий в темноте на гробик.

Бабушка чиркнула спичку и зажгла керосиновую лампу. Алиса поморщилась: «Зачем вообще нужно электричество, если на нём нужно постоянно экономить?» А керосин смердит. Ну, и запахок!

– Щас! – сказала бабушка и открыла крышку «гробика».

Никогда, никогда Алису не интересовала требуха, спрятанная в сундуке, о которой, конечно, все члены семьи были прекрасно осведомлены. Бабушка Гизела отличалась редкой старомодностью, над которой хотелось бы улыбнуться, даже посмеяться, да нельзя. Стоит только немного коснуться бабушкиного детства, полного лишений, бабушкиной голодной юности, и сразу всё становилось понятным. Разве за-

будешь, как их, русских немцев, везли на Урал? Как арестантов, чуть ли не как предателей. Они даже из вещей толком ничего взять не успели, лишь самое необходимое. И пока ехали, голодали, голодали, голодали. Вот вам и депортация! А когда приехали на новое место? Ни кола ни двора. У всех дистрофия. Лекарств нет. Денег нет. Как выжили? Чудо. Но люди помогали! Кто чем. Бывало, от своих детей отрывали, а им приносили. Свёклу, капусту. Аж по кочану через день! И картошку гнилую разрешали собирать на колхозном поле. Лепёшки из такой картошки получались резиновыми, чуть тошнотворными. Но тогда лепёшки казались слаще мёда! Отца Гизелы как изменника родины арестовали, как и многих тогда, по сфабрикованному делу в тридцать восьмом, из тюрьмы он уже не вышел. У матери на руках осталось четверо, Гизела младшая. На Урал приехали, жили в съёмной комнатке в бараке. Потом разрешили в заброшенную баньку перебраться. Старший Гизелин брат проявил свои плотницкие таланты. И полати сколотил, и пристрой сделал. А потом даже печку переложил. Зажили! В тесноте, да не в обиде. Хоть за жильё платить не надо. Потихоньку хозяйством стали обзаводиться. Скотинка появилась: коза, кабанчик. Налог обязательный всегда платили: молоко сдавали по несколько литров, шерсть (не сдашь – посадят), вот какое время было, лютее лютых! А они, несчастные русские немцы, выстояли! Трудом, терпением и знаменитой немецкой аккуратностью взяли.

Но вот напасть! Не приживалась скотина на том месте. То коза, привязанная за верёвку «задушится», зацепившись за забор, то кабанчик вдруг болеть начинает ни с того ни с сего. Гиблое место. Недаром банька брошенная оказалась. И тут Гизела с подружками баловалась костерком. Разожгут, и давай сухие ветки кидать, да куражиться. А тут как-то ветер поднялся! Налетел внезапно, разнёс «красного петуха» повсюду. Там сухое дерево полыхнуло, там загорелось. А потом и банька с пристроем занялись. Да как! Сгорело всё быстро и основательно. Но, что поразительно, мать не стала ругаться и голосить, только стояла и внимательно смотрела на дымящиеся головёшки. Но у деревенских свой взгляд на пожары. Ребяшня постарше Гизелу с подружками поймала, повесила на шею табличку с надписью «поджигатели» и водила по селу. Ох, сколько слёз пролила Гизела!

Мать, хоть и числилась женой врага народа, но числилась ещё и в передовиках, и ей, как передовице, выделили малюсенький настоящий домишко, где ранее располагался медпункт. А медпункт переехал в новые, только что отстроенные хоромы. Мать сказала тогда: «Спасибо Гизеле!». А Гизела мотала на ус: что ни делается, всё к лучшему.

И зажурчала жизнь в домишке. Вовсю как развернулся здесь Гизелин брат. И пристрой, и баньку, и конюшню с курятником. Животины – полон двор: коза, корова, свинья. Потом даже и ондатр развели! Зажили, наконец-то. И уже ни на шаг не отходили потом от феодального хозяйства, где

всё своё. И «лихие девяностые», когда деньги обесценились, пережили легче, чем другие.

Алиса не понаслышке знала, что такое покос. Это очень тяжёлая работа, изнурительная донельзя, все жилы вытягивающая, но она к ней была приучена с детства, поэтому никогда не ныла и не причитала. На покос брали с собой бидончик квасу, огурцы, варёной картошки и зелёного лука с петрушкой. В перекур, прямо в поле, делали окрошку, разливали по железным мискам и ели, причмокивая, потому как что может быть вкуснее настоящей крестьянской окрошки, терпкой, сладковатой и всегда чуть тёплой, так как некуда спрятать бидон, который нагревается даже в тени.

С покоса возвращались еле живые. Но никто никогда не жаловался, не отлынивал и не ныл. Считалось, что луг у них маленький, и дел-то там с рыбью ногу: на два-три дня от силы, потерпеть всего-ничего. Так, в принципе, и получалось.

Заготовленного сена всегда не хватало, и папка выписывал по самой дешёвой цене дополнительно ещё несколько рулонов. А ещё комбикорм нужен, питание ведь должно быть сбалансировано, а иначе какое молоко будет? «Дело – дрянь» не иначе.

Папка сердился, когда много корма приходилось закупать. Всё прикидывал, как можно обойтись своими силами, чтобы не производить лишних трат. Иначе скотина золотой выходила, дешевле мясо с молоком на базаре купить. Дебет

с кредитом у папки не сходились, и он продолжал настаивать на необходимости обрабатывать собственные картофельное поле, огородище, лужок для сена.

Однажды весной, когда сажали картошку, не хватило семенника, и почти сотка земли оказалась пустой. Папка так устал, что махнул рукой. А Алиса нашла в кармане куртки пакетик с семенами кормовой свёклы и ради озорства начала втыкать их в землю на полагающемся расстоянии, а когда надоело, то стала, как зёрна пшеницы, рассеивать их на последних вершках. Сделала и забыла. Но пришла пора окучевания, и тут у всех глаза на лоб. Ботва свёклы выросла на редкость высокая и жирная. Удивились. Свёклу выпололи и оставили до осени. А в сентябре сняли такой урожай, какой не видывали, наверное, с царских времён! Свёклу, как в сказке про репку, пришлось из земли тащить всем миром. Здоровая выросла, крепкая, жирная. Папка ходил потом и всем соседям свёклу демонстрировал, вот чудо так чудо. Ему объяснили, что земля добрая, с навозом, с чернозёмом. А папка сказал, что это у Алисы рука лёгкая, для хозяйства пригодная.

А она вправду хозяйственная была. И доить умела, и туши свежевать, и птицу ощипывать. Не белоручка, всем работницам работница!

Свинью режут, кто тушёнку варит? Алиса! Сначала только помогала варить бабушкам, а потом всё сама. И при том, что ей не было и пятнадцати.

Сейчас, на верхотуре у бабушки Гизелы, Алиса ждала выволочки. Она готовилась мужественно пережить бурю, сотканную из нравоучений и высокопарных слов, но неожиданно бабушку понесло в другую сторону.

Она достала из сундука старые выцветшие фото, на которых проглядывал силуэт дамы неопределённого возраста.

– Это мама моя, – ткнула пальцем в одну из них бабушка Гизела, – твоя прабабушка.

Алиса без всякого интереса посмотрела на девушку в смешной шляпке с зайцем на тулье.

– Видишь, какая шляпка? – важно спросила Бабушка.

– Ужасная! – непроизвольно вырвалось у Алисы.

И бабушка Гизела с досадой ткнула её пальцем в лоб.

– Произведение искусства! – воскликнула она. – Шляпка от самой мадам Колчиной!

– Подумаешь, – презрительно фыркнула Алиса. – Ничего особенного, такое срамное и я сошью.

Гизела достала другие фото и веером разложила их на столе.

– Это мама в девятнадцатом году. А это – в двадцатом.

Она работала манекеном.

– Манекенщицей! – поправила Алиса.

– А у нас говорили: «Манекен», – отрезала бабушка.

– Мама тогда в Москве жила. Стояла однажды в очереди за картошкой, тут её мадам Колчина и увидела. Ты, говорит, длинная...

– Высокая! – наставительно вновь поправила Алиса.

– Не перебивай старших! – бабушка стукнула кулаком по крышке сундука. – Безобразничаешь, словно не моя ты. А ты моя!

– А то чья? – улыбнулась Алиса.

– У нас говорили: «Манекен». В манекены набирали длинных и худых. Чтобы одёжа, что маститые портнихи шьют, подошла. И чтобы манекенов при показе далеко видно было. Предпочтение, конечно, отдавали красивеньким. Чтоб смазливые на лицо были. Кому охота смотреть на страшненьких? Так вот. Прабабушку твою сразу взяли. Она стала одёжу показывать на показах.

– По подиуму ходила? – с удивлением спросила Алиса.

– Чего-чего? – переспросила бабушка.

– Ладно, проехали, на показах показывала показуху, – сказала Алиса и захохотала.

Бабушка щёлкнула её по лбу.

– Она красиво ходить умела. И на фотографиях красиво выходила. Её даже в кино приглашали сняться. Но она замуж собралась, поэтому отказалась. А была бы, может, не хуже, чем Целиковская.

– А почему она после смерти прадедушки так ни разу замуж не вышла? – вдруг спросила Алиса.

– По кочану, – угрюмо ответила бабушка.

– Но, раз, она такая интересная, то ведь за ней же ухаживали потом мужчины?

– Она не позволяла! – строго заметила бабушка.

– Может, второй муж помог бы вам, не мучились бы так после войны, – осторожно предположила Алиса.

– Может, помог бы, а может, и нет.

Бабушка помолчала. Она разглядывала фотографии, силясь что-то вспомнить.

– Я ведь отца своего не помню. Но по отдельным рассказам мамы знаю, что с ним мало кто мог сравниться.

Алиса оживилась.

– А его фотки есть? Хоть одна?

– Нет.

– Красивый был?

– Не знаю.

– А в чем с ним не могли сравниться? – не унималась Алиса.

– Не знаю. Мама любила его. Очень, – тихо сказала бабушка. – Этим всё сказано! Помнишь?

Алиса кивнула:

– Помню. Ты говорила мне, что любят не за, а несмотря на.

Она хотела было расспросить Гизелу, любила ли она деда, но постеснялась. Ведь это очень личное! Деда она помнила. Безжалостный молчаливый матершинник. Его ругательства всегда были крепкими и точными, оскорбляющими до глубины души, задевающие самое дорогое. Что говорить, все в семье боялись попасться ему под горячую руку. И властная бабушка Берта Тимофеевна боялась, и бабушка Гизела,

и отец, а про мать и сестру с братьями даже заикаться не стоит, те обходили сквернословия за три версты. Но несмотря на суровый нрав, его очень ценили и прощали все его жестокие выходки. Такого трудоголика следовало ещё поискать! Встаёт до первых петухов: навоз выгребет, корову выдоит – чтобы разлюбезной Гизеле меньше работы досталось – огород окучит, а зимой двор и дорогу возле дома расчистит, дорогу снова заметёт, а он вновь за лопату и ну, чистить. Если не любить, то не уважать такого просто было невозможно! Бабушка Гизела почитала деда чуть ли не за святого. Но Алиса подозревала, что в её душе ещё пряталось нечто неподвластное разуму – сильная и неукротимая любовь к другому, о котором Гизела никогда не рассказывала и о котором, похоже, знал дед, негласно наложивший на эту тему табу. Что мелочиться? Он не мелочный. Дед и вальяжную Берту Тимофеевну никогда не попрекал за то, что её не касалась грязная тяжёлая работа. Да, именно так, не касалась ни в огороде, ни в конюшне, ни в курятнике. И воды она в дом не нашивала из колодца. Ведь скважину пробурили и насос в доме поставили поздно, аж далеко «за миллениум»! Экономили. А так, всё вручную, по старинке. Отец приговаривал: «Не развалимся». Но когда насос поставили, да канализацию провели, прыгал до потолка от радости на потеху всей семье.

Сейчас бабушке Гизеле хотелось, вспомнив те далёкие годы, прикоснуться к чему-то светлому и мучительно сладкому. Она, в скупых штрихах обрисовывая свою юную мать,

рисовала пастельными красками таинственный и волнующий мир, где есть место подлинной красоте и изысканности, где нет ни коров, ни быков, ни коз, ни кур, где мужчины влюбляются в женщин и совершают ради них благородные поступки.

После того, как Алиса прославилась на весь район, появившись на страницах местной газетёнки, её разыскал один странный тип. Подозрительный! «Из Москвы!» (он так сказал). Ещё сказал, что набирают девушек в модельное агентство и что девочка вот эта вот на фото могла бы попробовать, вроде она ничего.

Алиса – к папке. Папка – к типу, к хлыщу этому заезжему. «Ты что моей дочке предложил?» – зарычал папка, и в шею его! Летел проходимец, как Икар.

Мамка тоже возмущаться: «Сбивает девку с пути истинного. Ишь, чего захотел! В модели!!! А что это значит? Грязная жизнь у девчонки будет, вот что это значит!» Модный мир – соблазны кругом. Модный мир – это разврат, прикрытый глянцевыми страницами журналов. Мамка грамотная, сколько читала про этих моделей, ни одной нормальной судьбы не увидела. Пишут только, что вышла замуж – развелась, вышла замуж – развелась. Так конечно! Если голышом фотографируются! Никакой благопристойности. Какой мужик с этим мириться будет?

Кока, двоюродная сестра мамкина, тоже давай поддакивать, да по-поэтесному: «Модель – всегда бордель!» И сест-

руха Кира рот от удивления отрыла: «Алиску в модели? Да у неё ж ни кожи ни рожи. Во сне приснится – одеяло разорвёшь». Алиса, как услышала, вскипела, и надавала Кирюхе тумачков, мол, говори, да заговаривайся, на себя посмотри, мол, тоже костлявая и длинная, только к ней, к Алиске, хлыщ столичный подкатил, а к ней, к Кирюхе, нет, вот и завидует. Только пусть завидует молча!

А бабушки ничего не сказали. Берта Тимофеевна жалела Алису. И Гизела... Вот сейчас бабушка Гизела тыкала ей под нос старыми снимками и вкрадчиво убеждала Алису, что у неё талант («Москва обратила на тебя внимание!»), что Алиса – красавица, и фигура у неё – отпад. Ну, это она загнула, конечно. Какая у Алисы фигура, было известно всем. В школе смеялись: «Жирафа!», и ещё: «Доска – два соска!» На дискотеках она стенки подпирала, никто из парней особо не рвался её приглашать. Но всё равно Алисе хотелось верить, что она неотразимая! А какой девушке не хочется в это верить?

И когда бабушка Гизела сказала: «Поедем в Москву! Всем утрём нос!» Алиса самонадеянно поддакнула: «Поедем!»

И они поехали.

2

Легко сказать – «поехали»... Где Сосновка и где Москва? А если учесть ещё, что в Москве не были ни разу, знакомых никого, то остаётся только посочувствовать столь неразумному решению.

Алисин отец Михаил Петрович встал на дыбы! Ну, ладно у малолетки ветер в голове, но старая карга куда лезет? Старческий маразм, ни дать ни взять!

Бабушка Гизела выслушала спокойно, а потом резюмирует: «Так мы вернёмся, если что. Неужто родной дом не примет? Где родился, там и пригодился». Это было убедительно. И отец дал добро. Мама, в принципе, тоже. Не одна же дочь едет, а с родной бабушкой. Какой-никакой, а глаз есть. И денег бабушка скопила, она всегда бережливая до скупоности была. И на первое время хватит и на билеты обратные. (Вернутся ведь, к гадалке не ходи).

Короче, отпустили с Богом.

Бабушка Гизела с Алисой к сборам подошли со всей серьёзностью. Еды набрали с собой – корзинищу, корзину и корзинку. Греча, мука, сахар, соль. Консервы: сайра, килька, сельдь. Сухари от сушек до галет. Своя домашняя колбаса (но её немного, только чтоб в поезде перекусить, хранить-то негде). Курица собственного копчения. (Дядька коптил). Сухое картофельное пюре в пластмассовых банках. Конфеты «на посошок», шоколадные и монпасье.

Из вещей бабушка взяла лишь самое необходимое. А Алиса попыталась запихнуть в баул весь свой гардероб. Никакие увещания на неё не действовали! Должны быть разные юбки и блузки. И джинсы тоже разные! Чтобы не подумали там, в белокаменной, что она тупая деревенщина, у которой платья переменить нет. Вон сколько! Она, Алиса, можно

сказать, богачка! И пусть никто из родичей не смеет трогать баул! Пусть он набит до отказа, но Алиса сама его понесёт (своя ноша не тянет).

Алиса выкаблучивалась и до последнего держала оборону; отец махнул рукой, мать повздыхала и тоже уплелась восвояси, а бабушка Берта Тимофеевна подошла, ручищей своей огромной отодвинула внучку и давай баул потрошить. «Это тебе уже маловато, это тебе лишнее, в этом стыдно в наше сельпо зайти, не то что на Красную площадь», – приговаривает властная Берта и вытаскивает одну шмотку за другой. И так деловито, безапелляционно.

– Вот это оставь, вот это и это! – подытожила Берта Тимофеевна и застегнула баул. – Всё!

Баульчик сразу стал худеньким и лёгоньким, а Алиса несчастненькой и слезливенькой. Опозорится, как пить дать, опозорится в этой Москве, где все поголовно красивые и элегантные.

Алиса собралась закатить истерику и постараться часть вытащенных вещей запихнуть обратно, но тут увидела бабушку Гизелу. Нет слов!

Дело в том, что Гизеле тоже было небезразлично, в каком виде она сама предстанет перед приличными господами, способными вершить судьбы людей. И она к «гардеробному» процессу подошла творчески, с присущей только ей фантазией и шиком. Очевидно, её сундук хранил по-настоящему удивительные сокровища, не только древние фото. Яв-

но из этого волшебного сундука были вытащены фетровая шляпка с маленьким зайцем на тулье и серое приталенное полупальто, надев которое Гизела сразу стала похожа на селёдку.

– Чудно, мамочка! – всплеснула руками Алисина мама, увидев свою маму, претендующую на звание первой мамы, ой... первой леди района (а, может, и страны).

– Восхитительно, дорогая Гизела! – прошептала Берта Тимофеевна.

А Кира, опустив ресницы, быстро ушла во двор, таща за руку смеющегося Рудика. Маскарад, знаете ли, уместен на новогодние праздники.

.. Чтобы на вокзал их отвезти, дядька пригнал свою машину, это в знак уважения. Пока во двор вытаскивали баул и корзинки, собралась публика. Людка-мотоциклистка, конечно, пришла поглазеть, как «Алиска Зингер Москву страшать поехала», и одноклассники тоже припёрлись. Интересно же!

Отец зрителям объяснял: «Съездят, посмотрят и вернуться! Съездят и вернуться! На Арбат сходят. Сходите на Арбат?» Алиса с бабушкой Гизелой, как болванчики, закивали головами. Быть в Москве и не посмотреть знаменитый Арбат? За кого вы нас принимаете?

«И на кладбище не забудьте!» – крикнул кто-то. «Типун тебе на язык!» – испугался отец. «Да на Ваганьковское, – примирительно раздалось в толпе, – где Высоцкий похо-

ронен». Отец облежённо вздохнул. А Гизела категорично: «На кладбище мы не успеем! Дел много».

Уселись в «Ниву», махнули всем рукой. И айда в Москву!

...

В поезде бабушка зыркала по сторонам, чтобы их не обокрали. В туалет всего два раза ходила, при этом отлучалась минуты на две не больше и шла, всегда неся на согнанном локте кожаную сумку с документами. И спала с сумкой в обнимку.

Пассажиры потешались. А Алиса бабушку жалела; она знала из рассказов мамы, как семью бабушки Гизелы при переезде на Урал обокрали – последнее унесли. Это было настоящей трагедией, потому что не только вещи – документы сгинули. Напомнить, какое время было? Гизелина мать шептала: «Меня – в тюрьму, детей – в детдом», и плакала, плакала...

Алиса не смеялась над бабушкой Гизелой. Любила. Дома всегда иван-чай для неё сушила, и бруснику собирала. Та слаба на ноги была, травяная поддержка очень даже помогала. И приступы сердечные у Гизелы случались. Алиса всегда ночью дежурила у её постели. Однажды проснулась – тишина. Алиса вскочила и давай Гизелу тормошить: «Бабулечка!» Гизела глаза открыла: «Чего спать не даёшь? Только сон в голову пошёл... Не буди!» А Алиса подумала другое, и у неё оборвалось сердце.

Сейчас в поезде Алиса только и делала, что ходила от про-

водницы к бабушке, от бабушки к проводнице. И чай принесёт (проводница бесплатно им давала), и просто кипятка, который Гизела с наслаждением наяривала с «долгоиграющим» монпасье!

Домашнюю колбасу они не съели – не хотели – подарили проводнице. От души! За доброту и внимание!

Когда подъезжали к Москве, Алиса не отлипала от окна. Ей хотелось покататься на поезде, и она покаталась, но ещё больше ей хотелось увидеть Москву, Как она начинается. «Наверное, она вся огромная, вся в граните! А гранит бордовый, и всё кругом – и стены, и пол – бордовое!» – думала Алиса.

Конечно, Алиса уже была не маленькая. Пятнадцать стукнуло. И приходилось ездить дальше своей Сосновки. В Краснотурьинске была (его немцы строили), в Нижнем Тагиле была (в театр ездили с классом), в Екатеринбурге была (ничего город, большой, с красивым мраморным вокзалом), в Кунгур ездила (Пермский край, интересный такой, там ещё кунгурская пещера есть, где ледяные глыбы налипли). Повидала Алиса белый свет! Не дикая. Не «анчутка».

Но всё равно Москва ей грезилась как нечто особенное, такое, что не вписывается в общепринятые рамки. «Недаром же говорят: «Красная Москва!» – волновалась Алиса.

И вот. Приветствует радио в поезде. Перрон. Они с бабушкой Гизелой на вокзале. Ничего особенного! Что за невзрачность? Серым-серо... «Наверное, не на тот вокзал

прибыли! Бабушка перепутала», – мелькнуло у Алисы в голове. В Москве же много вокзалов. Ну, не может здесь быть так много обыкновенных, субъектов, одетых просто, как они с бабушкой? А где платья из глянцевого журнала?..

– Простите! – обратилась Алиса к полицейскому. – А это какой вокзал?

– Ярославский! – отрапортовал полицейский.

«Тот вокзал. Людка-мотоциклистка говорила, что поезда с Урала в Москву всегда на Ярославский вокзал прибывают», – вздохнула Алиса.

– За мной! – скомандовала бабушка.

И они закондыбали. Вещи – в камеру хранения. Где переночевать? Бабушка забила места в комнате матери и ребёнка. Потом взяли такси и направились по адресу, что на бабушкиной бумажке нацарапанные, напрямик в модельное агентство.

...

– Вам кого? – удивлённо спросила молоденькая секретарша с ногтями «до Нью-Йорка».

– Вот, – бабушка протянула пропуск.

Пропуск бабушке Гизеле с Алисой выписали в бизнес-центре, причём сначала ничего им выписывать не хотели, так как не было предварительной договорённости с модельным агентством, и охранники сначала объясняли, а потом откровенно ругались, говоря, что у охраны такое указание сверху – не пускать никого без предварительной догово-

рѐнности. Но бабушка Гизела продемонстрировала использованные железнодорожные билеты (не выбросила предусмотрительно!), потом открыла кошелѐк, где мелькнули скудные денежные купюры, затем ткнула на улицу -«Такси!» – подчеркнув тем самым, что денег на вторую поездку с предварительным согласованием может и не хватить. «Что, отправите старую женщину с юной девочкой ни с чем? На улицу?»

Охранники чертыхнулись, выписали пропуск и жестами объяснили, как пройти в офис модельного агентства.

– Только не заблудитесь! – крикнул охранник. – Бизнес-центр большой!

– Язык до Киева доведѐт, – отрезала бабушка Гизела, и они с Алисой пошли.

– Вам кого? – изумилась секретарша.

«Ну, и ресницы! – изумилась Алиса. – А ногти, ногти!»

– Главного позовите! – приказала бабушка.

– Какого главного? – не унималась секретарша.

– Самого главного!

Бабушка Гизела была в ударе. Еѐ не смутили любопытные насмешливые взгляды и напыщенный вид модной девицы. Она, Гизела, тоже кой-что повидала! Вам и не снилось, что она видала!!! («Пусть вам никогда не приснится, что она видала»).

– Вы уборщицей устраиваться? – догадалась секретарша

– Нет! – рявкнула бабушка.

Она рассердилась вконец и стала возмущаться уже более конкретно.

– Не твоё дело, зачем я здесь! – несколько грубо залепила бабушка Гизела. – Мне нужен директор. Вот ему я скажу. Всё скажу.

Алиса жалась в это время в уголке. Офис был маленький и уютненький. А раскрашенная секретарша такая фееричная! Портреты красавиц кругом. И лампочки светящиеся в полу такие необычные. И она, Алиса из Сосновки, среди всего этого?.. Застрелиться – и не встать!

– Директора нет, – отчеканила секретарша.

– А кто есть?

– Я.

– Ты со мной, девочка, не шути! – пригрозила бабушка Гизела. – Мы издалека приехали. И нам не до шуток!

Тут секретарша допетрила, как говорится, что к чему.

– Так вы на кастинг? – вскинула брови она.

– Чего? – вскинула брови бабушка.

– Ну, на отбор, да? – и секретарша уставилась на Алису.

Алисе же хотелось сквозь землю провалиться. Каким взглядом окинула её секретарша, каким взглядом!

Нет, правильно, говорил папка, надо посмотреть Москву и домой! И Алиса дала дёру!

...

Секретарша нашла её плачущей в туалете.

– Девочка, – сказала секретарша, – пойдём, бабушка твоя

ждёт, волнуется. Пойдём!

Алиса расплакалась ещё пуще! Она даже хотела всё свалить на бабушку, что она придумала такое смешное, и Алиса теперь – клоун для всех.

– Я же не знала, что ты на кастинг пришла! – улыбнулась секретарша.

По-доброму улыбнулась, по-хорошему. И Алиса вдруг прислонилась к её плечу и стала понемногу успокаиваться.

– Меня Карина зовут, – сказала секретарша.

– А меня Алиса.

– Я знаю, – ласково сказала секретарша. – Алиса в стране чудес!

Сказала и рассмеялась. Мол, все мы в сказку попали, и, «чтобы стоять на месте, нужно постоянно бежать».

– Пойдём! Сейчас в офисе никого нет, но скоро придёт эйч-менеджер, а потом директор. Пойдём.

Она взяла за руку плачущую девочку и повела обратно в офис модельного агентства.

В это время бабушка Гизела изучала папки, лежащие на столе секретарши. Она перелистывала страницы и недовольно хмыкала.

Это были портфолио моделей. Как полагается. Обязательно несколько фото: и во весь рост, и в купальнике, чтобы было воочию видно особенности фигуры, и в длинных платьях, и в коротких, и замысловатом костюме, и в простом. Чтобы знать заранее, какой образ девушке сподручнее создать? Ка-

кие у неё возможности?

– Чтоб вот этого не было! – категорично заявила бабушка и ткнула пальцем в фото девушки в купальнике. – Алиса, слышишь?

Секретарша вырвала папку у бабушки из рук.

– На моём столе без спроса ничего брать нельзя! – как можно вежливее объяснила она.

– Пардон, – сконфузилась бабушка.

– А вам вот это, – секретарша потрясла папкой, – сделать придётся. Если, конечно, хотите здесь работать! Модель – это фигура в первую очередь. Как отбирать будут для съёмок модель, если неизвестно, какая у неё фигура?

Бабушка Гизела со свистом вздохнула.

– Портфолио сделать обязательно! – тряхнула головой секретарша. – Директор у нас знаете, какая строгая? Упал – отжался. Но по-другому никак. У нас агентство одно из самых лучших в Москве. Здесь моделей заказывают для самой крутой рекламы!

– Как это заказывают моделей? – вскипела бабушка Гизела. – Они что, вещь? Девочки по вызову?

Ответ не замедлил себя ждать.

– Они – девочки по вызову! – отчеканила секретарша. – Только вызовы разные бывают. Главное, чтобы не для интимных услуг.

Гизела аж задохнулась, на что ей в лицо полетел смех.

– Да никто их в постели к богатым дядям не затаскивает! –

отмахнулась секретарша. – Сами лезут! Олигарха отхватить хотят. Потому что он для многих и есть счастливый билет.

Бабушка Гизела призадумалась. Алиса готовилась рвануть на выход.

– Надо портфолио! – приказала Карина. – Если хотите, чтобы работа была. Чтоб вызовы были.

3

Пока бабушка Гизела выпрашивала, как фотки для портфолио сделать, где сделать, да сколько всё это будет стоить, агентство стало постепенно наполняться людьми. Впорхнули длинноногие девицы, все из себя, разнокалиберные, высокие и низкие, но обязательно на немислимых каблуках! Модели, по всей видимости. Все раскрашенные, как воины племени делаваров, грудь у всех из блузок-топиков-платьишек вперёд выпирает – смерть мужикам (право, ослепнуть можно!). Девицы размахивают папками с фотками и орут во всё горло разную ерунду. Гонору-то, гонору... О! Ещё один интересный экземпляр. Но это директор, сразу видно. Уверенность в кубе! Пронеслась в свой кабинет, как торпеда, оставив за собой шлейф заморских терпких ароматов. Девицы сразу вытянулись во фронт, смолкли. По поведению понятно, с кем дело имеют – с властью имущей. Не просто управляющая. Это директор со связями! И агентство – её вотчина, и люди за ней стоят серьёзные, так что при случае прихлопнет неугодного одной левой и поминай, как звали. Крутая баба! А бабушка отметила: «Молодая! Тридцати нет, навер-

ное». А Алиса подумала: «Вот это прикид! Суперзвезда!»

То, что директор была моделью, без труда угадывалось по её внешнему виду. Высокая, стройная, стильная. Чёрная узкая юбка до колен, чёрная водолазка, сверху летний белый пиджак с розовыми цветами, а туфли сплошь из белых кожаных ремешков и на тонких стальных каблуках-шпильках. Сумочка у директора узенькая беленькая с ремешком-цепочкой. Но что вещи? Шевелюра какая! Вот это волосы! Тоже белые, но какие-то неестественно белые, с отливом, вьющиеся, длинные, кокетливо ниспадающие до лопаток. Ухоженная с ног до головы. Огромные трапецевидные ногти-«френч», огромные чёрные ресницы, загнутые вверх, брови тоже чуть не в пол-лица («Вытатуированные! – догадалась Алиса. – Как у Людки-мотоциклистки!»), нарисованные причудливые стрелки возле глаз ровные-ровные, прямо как на картинке, а губы пухлые, чувственные, тронутые перламутровой розовой помадой. Лицо не сказать, что с правильными чертами, и нос великоват, и глаза близко посажены, но смотреть на такое лицо приятно: кожа матовая, идеально чистая. Хоть сейчас фоткайте эту кралю и лепите её физиономию на обложку журнала, точно не прогадаете! Вызывающе яркая, броская. Такую один раз увидишь и запомнишь на всю жизнь. Журналы вмиг разлетятся!

Карина бабушке Гизеле:

– Сейчас подождите, я про вас... это...

Она не договорила и скрылась в кабинете директора. Че-

рез минуту великое начальство выплыло посмотреть на «матушку деревню».

– Портфолио! – вместо «здравствуйте» процедила директор. – А? Нет? Зачем пришли? Не морочьте мне голову!

Бац – и отворот-поворот. Даже рта никому не дала открыть. Бабушка Гизела, обычно находчивая, тут растерялась; не ожидала такого напора. Директор не женщина, а бронетранспортёр какой-то.

– До свидания! – бросила директор бабушке Гизеле.

– Влада Константиновна! – послышался интересный баритон.

– Да? – обернулась она и картинно изогнула бровь.

– Добрый день, Влада Константиновна, – извиняющимся голосом пробормотал стоящий неподалёку высокий парень.

– Дима, фотосессия прошла успешно, поздравляю! – сказала директор парню и протянула ему руку.

Он, улыбаясь, аккуратно пожал крупную кисть её руки, с тонкой блестящей цепочкой на запястье, и, показывая на Алису, заметил:

– У них есть портфолио. Я занят был, фотки не успел распечатать. Виноват!

Бабушка Гизела непонимающе заморгала, полагая, что парень их с кем-то перепутал. Она хотела даже вмешаться, но парень перехватил инициативу.

– Я подготовлю! Влада Константиновна!!! Послезавтра. Идёт? – опять улыбнулся парень.

Директор поджала губы:

– Сальников, надеюсь на тебя. Но в двух словах, фотосессия удачная? – и тут она понизила голос, подчёркивая всю деликатность ситуации (хотя какая там деликатность).

– Вам понравится! – уверенно отрапортовал парень. – Или вы не сомневаетесь во мне как в фотографе?

Дмитрию Сальникову было двадцать два года. Он был хорош собой. Хрестоматийно: высок, строен, голубоглаз. И талантлив. Невероятно! Дар фотохудожника открылся у него только в институте, но уже к последнему курсу он зарекомендовал себя чуть ли не как метр. Настолько солидный уровень мастерства демонстрировал в своих работах! И с некоторых пор директор модельного агентства Влада Константиновна Петрова не только считалась с его мнением, но и опиралась на него. (И – между нами, девочками, говоря – была тайно в него влюблена).

И сейчас раз Сальников говорил, что фотосессия стоящая, значит, так оно и есть.

– Ну, смотри! – кивнула директор. – Только из-за этого не завали другой проект.

Она чуть презрительно показала глазами в сторону забытой-запуганной дурнушки в углу и скрылась в своём кабинете. И, как только хлопнула дверь, к Алисе подбежала Карина.

– Видишь, всё хорошо! – зашептала она.

Карине было невыносимо жаль эту девочку, которая совсем не вписывалась в московскую жизнь, с её бескомпро-

миссной конкуренцией и жестокостью. Не тянешь? Никто возиться с тобой никто не будет, за дверью тысяча и один претендент. Ленишься пораньше встать, чтобы подготовиться к съёмкам? Гудбай! Ходишь невымытый-нечёсанный, типа, уставший? Гудбай! Нажираешься по-свински? Гудбай? Жалуешься на грубое обращение? Гудбай! Плачешь, что не взяли на съёмки? Гудбай! (Или плачь, чтоб никто не видел). Хочешь к маме с папой? Гудбай! (Мы все к маме хотим, но никто не должен об этом знать).

– Мы посмотрим Москву, и домой, – прошептала Алиса.

– Конечно, – погладил её по плечу Карина.

Тут же обернулась и счастливо заулыбалась высокому парню.

– А теперь познакомьтесь! – торжественно сказала она. – Это наш фотограф. Один из лучших!

– Из самых лучших! – шутливо поправил парень.

– Дмитрий Сальников! – выкрикнула Карина. – Прошу любить и жаловать.

Девицы-модели заохали и театрально зааплодировали.

– У-у-у! Димон, да ты у нас звездишь!

Димон столь же театрально раскланялся.

Он давно пришёл. То зайдёт в офис, то выйдет. Постоит-посмотрит и упрётся в курительную комнату.

Увидев длинную и донельзя худую старушку в смешной шляпке, он не особо удивился, так как ему, фотографу со стажем, и не такое приходилось лицезреть. Сначала он

принял её за актрису, которая подыгрывает модели в постановочных съёмках. Но, услышав её расспросы относительно портфолио, понял, что это чья-то маман. Огляделся и понял чья. Что за причуды? Бедная девочка.

Девицы-модели сновали туда-сюда, косились на девочку и отпускали в её адрес весьма нелицеприятные отзывы. Димон перевёл глаза на ресепшн. Карина смотрела на него в упор и знаками показывала, чтобы он вмешался. И он вмешался.

Но это был лишь толчок. Он давно уже собирался подойти к ним, к этим двоим, странным и смешным. Так больно ему стало за этих несуразных худышек! Особенно за девочку. Над ней смеются, а она стоит и молча слушает, опустив глаза. А маман её рассматривает папки и сыплет вопросами относительно съёмки. А ведь у них нет ни одного шанса! Девчонка стеснительная, угловатая. Нет, не её эта стезя, не её.

Но когда из кабинета вышла могущественная Влада, способная кого хочешь в бараний рог свернуть, да старушке так словом заехала, как по мордам надавала, у него, отъявленного лавеласа и местного признанного плейбоя, ёкнуло сердце: нельзя так, нельзя. На девчонке вон лица нет!

Он всего насмотрелся, в свои двадцать два года воочию видел, как девчонки в звёзды пробиваются: ревут, шантажируют фотографов, топят друг друга, голодают, вены себе режут – всё головы вытерпеть, лишь бы скакнуть на самый верх, где слава и большие деньги! Мужиков богатых кадрят,

и проституцией занимаются, прикрывая свою продажность фантазиями про любовь и про свою собственную неповторимость.

Но то, что Сальников видел сейчас... Это не попадало ни под одну категорию. Ребёнок среди шалав стоит и умирает от стыда и унижения, а каждая из красоток старается ещё сильнее ногой подпнуть. (Но девки тоже все юные, чуть за двадцать, ещё не вышли из сопливого возраста). А маман «ребёнкина», словно ничего не видит и не понимает, никак в тему въехать не может. Какую-то газетную вырезку достала и тычет ею под нос девицам. Фото. В газете! Достижение, что ни говори. А девки как давай ржать! Изгаляться ещё давай под аплодисменты: «Прэлестно! Прэлестно!» И когда на ковёр вышла сама живая беда, огнедышащая, страшная, опасная, но способная в один миг обернуться победой, этакая Клопатра, у которой в руках скрижали, где уже написано «Казнить нельзя помиловать» и дело только за малым – за судьбоносной запятой, Сальников вмешался. Будь, что будет! Он просто не хотел, чтобы старенькой маман с ребёнком было больно и она плакали.

– Тебя как зовут? – спросил он ребёнка.

– Алиса, – тихо проямлила она. – Зингер.

– А маму твою?

– Это не мама. Это бабушка моя. Гизела Кляйн!

Сальников присвистнул.

– Проснулся я однажды, а в городе немцы! – развёл он

руками.

– Димон! – прикрикнула на него Карина. – Не будь националистом.

– Я? – изумился Димон. – Что вы! Мне всегда была по душе немецкая аккуратность. Я русский в тысячном поколении, и у меня врождённая бесшабашность. Так что мне очень даже по нутру пунктуальные и рациональные.

– А что такое рациональные? – доверчиво спросила Алиса.

– Это такие интересные, красивые и очень умные! – серьёзно ответил Димон.

– А-а-а! – откликнулась Алиса.

Карина опять цыкнула на Димона. На что он отреагировал со свойственным ему чёрным юмором.

– Штирлиц залез на телеграфный столб. И, чтоб не привлекать внимание прохожих, развернул газету.

Тут Бабушка Гизела подошла к Димону и засветила ему кулаком по лбу.

– Чтобы думал, что говоришь!

Карина тоже пустила в ход кулаки и от души стукнула по столу на ресепшн:

– Так его, хулигана!

Димон дурашливо потёр лоб.

– А вы мне нравитесь, фрау! – восхищённо воскликнул он. – Люблю смелых и решительных.

Гизела встала руки в боки и с вызовом выдала:

– Штирлиц шёл по Берлину и увидел надпись на стене: «Штирлиц – дурак». Тогда он понял, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Димон, закрыв лицо руками, захохотал. Алиса тоже засмеялась. И первый её московский день стал сиять тем особым московским счастьем, когда ничего не получается, но понимаешь, что всё хорошо, и потом будет всё хорошо, и отчаянно хочется жить!

...

Переночевали бабушка с Алисой на вокзале в комнате матери и ребёнка с почасовой оплатой, а на следующий день, с утра, отправились делать портфолио. Алисе очень понравилось само слово, важное, заковыристое. Бабушке тоже понравилось, и она повторяла его при каждом удобном случае.

На этот раз обошлись без дорогостоящего такси. Димон подробно на бумажке написал им, как добраться до студии.

Он мог бы, конечно, договориться с Владой, чтобы та разрешила использовать студию в самом агентстве, где были великолепные осветительные приборы и реквизит. Но тогда обман раскроется – нет никакого портфолио! И не было. Со-врали. М-да, тогда самолюбивая Влада точно сотрёт этих двоих в порошок. Димон не витал в облаках, понимая, что из себя представляет могущественная директорша. Заведётся с полоборота: «Кто мне помогал, когда я в Москву приехала?» Или. «Одним всё – другим ничего?» Или. «У нас не детский сад, а лучшее модельное агентство в Москве!» Ну, насчёт последнего можно поспорить, но то, что Влада из принципа начнёт гнобить этих провинциалов и загубит все их начинания на корню, сомневаться не приходилось.

Димон понимал, что нет шансов у этой стеснительной и угловатой провинциалки сделать даже плохонькую карьеру в такой пробивном бизнесе. Но они приехали издалека, и денег у них в обрез, в общем, как отправишь обратно? Сначала всё же надо дать попробовать.

Димон решил сделать фотки Алисы в маленькой профессиональной студии друга отца, организованной в старом доме сталинской постройки, с толстыми стенами и высокими потолками. Развернуться было где. Этот друг часто оставлял Димону ключи, и тот всегда при случае мог воспользоваться апартаментами. Главное условие, которое ему выдви-

гали, не безобразничать. Что в это понятие вкладывалось, каждый понимал по-своему. Димон понимал так: чтобы соседи не жаловались. И они не жаловались! А он водил сюда и начинающих моделей, и раскрученных, клюнувших на его мужскую привлекательность. Работа здесь кипела. И портфолио делали, и много чего другого. Кстати, предприимчивый молодой человек и друзей водил, с которыми зажигал по полной (но чтоб всё в меру было! Чтоб соседи – ни-ни!). Поэтому сказать, что Димон безобразничал, было нельзя, несмотря на то, что его образ жизни был далёк от благопристойности. Любовницы приходили с разборками, нередко сталкиваясь друг с другом. Но соседи не жаловались! (Это были очень странные соседи).

И вот пробил час для бабушки Гизелы и Алисы посетить это священное место.

Димон ждал их у метро. Бабушку Гизелу легко заприметить в уникальном головном уборе со зверушкой на тулье и пальто в такую летнюю теплынь.

– Миллениум пробил! – наставлял Димон бабушку. – Пора приобретать сотовые телефоны. В Москве у всех детей уже есть! Хотя бы один нужен для связи.

– Потом, – отрезала бабушка.

Они пришли в студию. Бабушка сняла пальто и шляпку и уселась в кресло. Она осмотрелась. Прожекторы, белый экран на стене внушали ей некоторое доверие. Итак, они пришли именно туда, где фотографы фотографируют.

Не в притон пришли. Миновало их это страшное и ужасное.

– Работайте! – приказала бабушка. – Делайте как его... это самое...

– Портфолио, – подсказала Алиса.

– Его! – подтвердила бабушка.

Она смотрела на Димона и Алису, как удав, и они оба жались. Расслабиться невозможно ни на минуту рядом с таким жандармом. Какое тут творчество? Какой артистизм?

Не даёт вредная бабка нормально работать, хоть ты тресни!

Димон размышлял: «А в купальнике, как девчонку снимать? Эта фрау с дерьмом съест!» И он решил услатить её куда подальше.

Написал подробно на бумажке, как проехать к магазину канцтоваров и купить пачку белой дорогой бумаги «Снегурочка». Фотки —то, типа, на чём печатать?

– Вот деньги! – поспешно сказал Димон.

– И на проезд? – подозрительно спросила бабушка.

Он подобострастно кивнул. Бери, только сваливай побыстрее.

– Я щас, быстро! Алиса, не скучай и ничего не бойся! – сказала бабушка и направилась к выходу.

– Давайте, фрау, шнеле, шнеле, – бормотал Димон.

Как только дверь захлопнулась, Димон повернулся к Алисе, да как заорёт:

– Раздевайся!!! Не буду больше с тобой возиться. Или де-

лай, как надо, или проваливайте обратно в свою деревню.

Если бы он стал с ней деликатничать, она бы мялась и мялась, потом, наконец, призналась бы, что нет у неё купальника, как-то не подумала. А сейчас разделась до трусов и лифчика и стремглав бегом к экрану. Так встать? Или вот так?

– Молодец! – приговаривал Димон. – Стесняться меня не надо, я как врач-гинеколог, чем смогу – помогу.

Трусы и бюстгалтер у Алисы были недешёвые, фирменные. С мамой вместе выбирали. Не стыдно раздеться теперь. Но Димон, как человек искушённый, сразу отметил: «Дешёвка! Китайское барахло!» Но вместе с тем отметил также, что фигура у девчонки, что надо. Сложена как! Чёткая линия талии, бёдер, длинная шея. Смугловатая от природы (вот вам и арийка!). Это плюс! Фотошопить не надо, чтобы добиваться матовости кожи на снимках. В диетах не нуждается, сразу видно, не склонна к полноте. Без одежды, надо сказать, она куда привлекательнее. Ни жиринки! Но бугрится, где надо. Грудь есть. И вырастет ещё, малышка в росте. Хотя какая же она малышка? За метр семьдесят у неё рост. Примерно, так.

– Ты какого роста? – спросил Димон, настраивая аппаратуру.

– Метр семьдесят три.

– Нормально. На подиумную модель ты, конечно, не потянешь. Только в исключительных случаях! А для бельевой и фотомодели тебе просто цены нет! – заверил её Димон.

Он был прав. И честен был как никогда. Физические дан-

ные Алисы были превосходные. Ноги неидеальные. (Но они часто у моделей не очень). Подростковая костлявость есть, конечно. (Однако с возрастом она пройдёт, а это может случиться уже через год-два). Хорошо сложена. Аристократично! Очень пропорциональная. Руки какие длинные. Но не в ущерб! Красивые руки. А бедра? Тоже длинные, узкие, изящные. Фигуристая немка. Красотка!

– Сюда встань! – приказал Димон.

Алиса встала, а он защёлкал фотоаппаратом.

– Теперь вот так повернись!

Алиса повернулась.

– Нагнись! Ну, как будто ты кота увидела. Коты в твоей деревне водятся? – принялся ворчать Димон.

– Ага, – улыбнулась Алиса. – Так у нас целых три живут. Как квартиранты, домой придут, поедят и уходят. Гулёны.

– Да? – промычал Димон и вновь защёлкал фотоаппаратом.

– Ага. Они здоровые, как телята. На парном молоке взращенные. У нас, когда Марта жила...

– Марта это кто? – уточнил Димон и стал искать лучший ракурс.

– Корова. Сейчас у нас коровы нет, коза только. А раньше была корова.

– Так, продолжай дальше.

– Так вот. Марту доить начинаешь, только скажешь: «Кис-кис!», коты, как вурдалаки, из разных сторон вылезают. Мо-

лока просят.

Алиса засмеялась, и Димон нащёлкал несколько кадров.

– Ну, ты делилась молоком с кошками своими? – ухмыльнулся Димон.

– А как же! У них в конюшне несколько мисок. У каждого своя! Не коты, а баре.

– Кто?

– Баре.

– Это кто такие? – забубнил Димон, просматривая снимки на фотоаппарате.

Алиса разошлась. Москвич! Фотограф, а не знает таких простых вещей. Она стала с жаром рассказывать ему про барыню и барина, и что когда их много... А Димон снимал и снимал. А Алиса не обращала на него уже никакого внимания.

– А лошадь как зовут? – неожиданно выдал Димон.

– Какую лошадь? – удивилась Алиса.

– Ну, у вас же конюшня есть. Значит и конь там должен быть.

У Алисы перехватило дыхание. Что за олух? Что за городской дурачок? Конюшня – это сарай для скотины. Просто так говорится «конюшня», а на самом деле...

Потом Димон замотал Алису в тюль, и вновь сделал снимки. Античная статуя получилась!

«Фигуристая девчонка! – убеждался Димон. – Порода гончья. Не располнеет и к тридцати годам.

Затем он нашёл дамский деловой костюм из дорогой жаккардовой ткани – кто-то из раскрученных оставил – и заставил Алису его надеть. Надо же, подошёл идеально! «Модельные параметры у этой деревенской. Хоть невысокая, а потянет на подиумную, как пить дать, потянет!» – подумал Димон и вновь нащёлкал снимков.

Потом стук в дверь.

– Бабушка!

Это действительно была она. Купила и бумагу «Снегурочку», и чебуреков (каждому по чебуреку). А чай в пакетиках с сахаром она достала из своей необъятной сумки.

– Заварим! – сказала бабушка и пошла на кухню.

А Алиса с Димоном сразу принялись есть жареное тесто с мясом. О, счастье какое, у каждого персональный чебурек.

Димон по-своему прокомментировал угощение:

– Штирлиц, почему вы пьёте и не закусываете? «Мы, немцы, народ скупой!»

Алиса быстро нашлась:

– Мы не жадные. Мы домовитые.

На что Димон, запихнув в рот остатки чубурека, заплотировал.

А в это время...

Дверь студии вдруг открылась, и на пороге появился её непосредственный владелец. Друг отца. Он внимательно окинул апартаменты, глянул на Алису в её цветастых юбке-блузке, перевёл взгляд на парня, молодого, обаятельного

развратника.

– Дмитрий! – скорбно произнёс друг отца. – Я прошу тебя освободить помещение и вернуть ключи.

Димон молчал. Он всё понял. Соседи оказались нормальные, совсем не странные.

Воцарилось молчание.

– Кто это? – указал он на Алису. – Ты что, педофил? Ты бы ещё из детского сада кого привёл.

И тут друг отца стал говорить очень правильные вещи, и Димон был готов подписаться под каждым словом, настолько всё правильно было! Нельзя пить, курить, женщин менять, как перчатки (разные болезни могут быть от такой-то беспорядочной жизни), и песни петь по ночам нельзя, мешая спать некоторым особо чувствительным субъектам, и драться нехорошо, и девушек стравливать между собой никуда не годиться (плохо, когда девушки дерутся), а девочек несовершеннолетних растлевать просто запрещается категорически! И если все перечисленные «архетипы» (он так и сказал!) имеют место быть в данном помещении, то это – притон.

– Какой такой притон?

Это бабушка Гизела, как черепаха, выползла из кухни и оказалась в эпицентре событий, окрашенными пришедшим дядей в весьма трагические тона. Она внимательно слушала этого господина и не понимала. Он, кстати, тоже не понимал.

– А вы кто такая? – вылупился на неё друг отца.

– Я бабушка вот этой девочки. Мы фотографируем... фотографии... Портфолио! Спасибо молодому человеку, что согласился нам помочь. Бесплатно! Я не могу заплатить. У меня денег только на проезд и на комнату матери и ребёнка на вокзале. А там знаете, как дорого? По часам оплата! А у меня знаете, какая пенсия? Лучше вам не знать. Какой же здесь притон? Как вам не стыдно!

Друга отца проняло. Это соседи, всё из зависти наговаривают, чужому успеху завидуют. Он ещё несколько минут потренировал с Гизелой о том, о сём, посочувствовал, что им с внучкой жить негде («На вокзале! Боже мой, на вокзале живут!») и дал один адресок. Хорошая квартирка. Это один его знакомый сдаёт. Отдельной комнаты у них с внучкой, конечно, не будет, но зато у каждой койко-место. И за не очень дорого! И внучку к осени на учёбу определим. Не в вечернюю школу, а на вечернее обучение. В ближайшую школу. Пусть аттестат получает. Мали что потом? Карьера модели такая ненадёжная!

А у Димона друг отца даже прощения попросил. Димон простил. Димон добрый.

А бабушка Гизела с Алисой тем же вечером переехали жить в Кунцево, в трёхкомнатную квартиру, густо заселённую представителями самых разных национальностей. Кровати там стояли двухъярусные. Но уральские немцы не унывали, и не такие неудобства сваливались на их головы,

и не такое приходилось терпеть. Всё просто. Бабушка на первом этаже, Алиса – на втором. Помыться есть где. Чай согреть есть где. До метро от дома можно на автобусе, а можно пешком, только дольше идти нужно. Зато сэкономишь. И несколько школ в округе. В общем, живи – не тужи!

Кстати, портфолио Алисино и фототесты в других агентства тоже одобрили. Но это уже по благу. (Блат появился! Красота!) Димон разостлал. Как видели, кто портфолио делал, так смиряли свой нрав. Это была своего рода протекция, гарантия качества, надёжность девушки-модели. (Димон далеко не с каждой соглашался работать). И Алису стали приглашать! Как всегда, сначала кастинг, где заказчик выбирает для рекламы несколько девушек из предложенных агентством, а потом уже непосредственно съёмки. Алиса в основном работала как промо-модель и стендистка, то есть могла рекламировать товар на промышленных и парфюмерных выставках. Но её отбирали и для съёмок каталогов одежды. Оплата была почасовая, и деньги выплачивали не сразу, а только после того, как заказчик переведёт крупную сумму на счёт агентства. Гонорары моделям на руки выдавали позднее. Но ведь выдавали же! Всё по договору, где были прописаны обязательства обеих сторон: модели и агентства.

В связи с тем, что Алисе не исполнилось ещё восемнадцать, все договоры за неё подписывала бабушка. Получалось у неё это чуть театрально. Секретарям на ресепшн наблюдать за ней было интересно. Так забавно выходило. Бабуш-

ка Гизела сперва долго хмурилась, пыхтела, усиленно делала вид, что внимательно изучает документ, то снимала, то надевала очки, по несколько раз переворачивала предложенные бумаги и, только изрядно измусолив их, выводила свою подпись дрожащей старческой рукой. Она пребывала в уверенности, что таким образом запугивает хитрое руководство, которое, как и другие, всегда норовит обмануть и обокрасть подчинённых. В глубине души она понимала, что Алиса никому здесь не конкурент и обводить пальцем её, в принципе, незачем, и даже если произойдёт непоправимое, ничего они сделать не смогут – силы неравные изначально. Но всё равно, для остротки, она вразумляла таким образом вышестоящих, которые решают судьбы молодых и красивых барышень.

Алиса имела возможность работать не только в «материнском» агентстве у Влады Константиновны Петровой, но и в других. На фрилансе! Алиса не считалась перспективной, серьёзный контракт с ней не подписывали, зарубежным партнёрам её не предлагали, поэтому даже поощряли её левые подработки, видя в этом разумный выход в создавшейся ситуации.

Так и бабушка Гизела с Алисой и протянули почти три года.

...

Влада Константиновна всех уверяла, что бабка с внучкой скоро дёру дадут. «Вашей их, вашей! Обратно на Урал!»

Каждый день обещала, что сегодня свершится, наконец, то, что должно свершиться, и клоуны покинут Москву. А они приходили. Вдвоём. Но порой, когда бабушке не здоровилось, Алиса приходила одна. Но чаще вдвоём. Бабушка всегда была с термосом и бутербродами.

И Влада Константиновна сдалась! Не оправдались её прогнозы. Чего-то она в этой жизни не понимает. Данных у девочки нет, успеха нет и даже не предвидится, все Алису задвигают куда-подальше, меркнет она на фоне красивых и раскованных. И докажи это вредной бабке! Попробовали бы себя эти провинциалы в другой сфере! Попытались бы счастья. Нет ведь, пищат и лезут! Всё бабка зловредная. Упрямая донельзя. И внучка в неё же.

А потом Влада Константиновна догадалась. Её осенило! Клоуны здесь, чтоб ей скучно не было.

И Влада Константиновна успокоилась. Нашла-таки объяснение человеческой глупости.

...

А потом замухрышку Зингер позвали за океан. «Пошли, дорогая! Нью-Йорк тебя спит и видит!» Некоторым было не до смеха. Почему её, почему не меня?

Влада Константиновна была женщина неглупая и вмиг смекнула, что без Димки Сальникова тут не обошлось. И была права.

Это он придумал новый образ. Целую галерею образов. Где детский наивный взгляд Алисы был как никогда уместен.

Где её скованность будоражила бы, а исключительная внутренняя чистота привлекала.

Одежду подобрали всем миром. (Димон организовал!) У кого что осталось в запасе. Смотрели у знакомых, у знакомых знакомых. Каждая деталь продумывалась.

Димон и сам не мог сказать, чего это ему приспичило нянчиться с девчонкой, которая никак не может подрасти. Она как второгодница, каждый год одно и то же.

Алиса его то утомляла, то раздражала. Ещё больше Димона раздражала Алисина бабуленция, влезающая во всё и вся. Именно она не дала Алисе полностью раскрыться! Не разрешила сниматься в рекламе нижнего белья. «Аморально!» Но бельё-то женщины носят? Они должны видеть, что носят. Это реклама, просто реклама. Что здесь аморального? И не каждая модель подходит для таких съёмок. Алиса – счастливое исключение. Её хоть в фас, хоть в профиль снимай, хоть в одежде, хоть без одежды. Нигде никаких отложений. И линии тела безупречные! Она много красивее выглядит в одном белье, нежели в бесформенных юбках и глупых мужских джинсах.

Алиса – великолепная «бельевая» модель. А бабушка её – в позу! Ну, и развернули эту парочку пинком под зад. Алиса стала сниматься для самых никчёмных роликов. И всё из-за своей старомодной бабки!

Но однажды он увидел бабушку Гизелу с каким-то помутневшим отсутствующим взором и сразу понял, что дни её

сочтены. И что ей, ох, как нелегко в Москве! Это для него, Димона, Москва родная. А для неё – чужбина. Но она здесь. Это в ей-то годы, когда нужно в родном дворе на травке валяться и на балалайке бряцать?

И он перестал на Гизелу сердиться.

Приезжал Алисин отец Михаил Петрович и хотел Алису домой увезти. Она было собралась, а потом неожиданно заупрямилась. Привыкла, видимо. Отец её тащит, а она упирается. Последнее решающее слово было за бабушкой Гизелой. И она вынесла свой вердикт: «Ещё пусть поработает! А вдруг?» А что вдруг?..

Но Алиса осталась. Аттестат с грехом пополам получила. (Все задачи за неё Димон решал, большой спец и в тригонометрии, в алгебре с физикой). Потом Алису продинамили на одни съёмки, потом на другие. Домой, что ли пора?

Тогда Димон и придумал «Алису в стране чудес». Можно ещё ряд заголовков подобрать, типа, «Дикая орхидея». Но Димон остановился на самом подходящем и не проиграл. Хотя подавляющее большинство понимало заголовок буквально.

Вот он мир, в разных его измерениях. Эскорт. Позорно или престижно? Обнажённая натура. Красивое тело или дешёвая порнуха? И далее по нарастающей. Желание или вождение? Любовь или похоть? Чистая или инфантильная? Старая или мудрая?

Попробуй с ходу ответь-ка!

Короче. Фотосессия прошла на «ура». Димон был в ударе. Алиса, похоже, тоже. Ей было спокойно с Димоном, самым близким её другом. Поэтому и съёмки дались легко и даже весело. Хотя столько кадров нащёлкали – и не сосчитать. Димон потом придирчиво отбирал самые лучшие. И отправил потом. И на конкурсы разные. И в модельные агентства заграничные. В Америку – обязательно! Димон все свои работы туда отправлял в обязательном порядке. Возьмут – не возьмут неизвестно, а хоть одним глазом посмотрят, это точно. Пусть и лицезреют.

И вот победа!

4

Сегодня у Алисы праздник. Юбилей! Хоть и хорохорится, а он всё равно есть, и гости всё равно придут. И самое главное она их ждёт! Ей есть что рассказать. Ей хочется рассказать обо всём... Обо всём, чего никогда не расскажешь ни по телефону, ни через социальные сети.

У неё – успех. Первый в жизни!

Когда позвали её за океан («Айда!»), она не верила, что из этого что-нибудь получится. Хотелось на самолете прокатиться и Нью-Йорк посмотреть. Думала, гляну хоть глазком и обратно!

Ведь как отговаривали её от контракта с американским модельным агентством! Этого ей не забыть никогда.

Что? Заморское предложение? Не может быть! Изве-

стие-бомба! Взрыв – и осколки в разные стороны. Как же, никого из признанных не взяли, а её... Стеснительную двоичницу, серую мышку-норушку официально пригласили в лонно избранных и даже пакет документов прислали. Но где ей потянуть такое потрясающее? Они, наверное, ошиблись. Неправильно имя написано. И фамилию тоже неправильно. Недоразумение, право! Деревенская Зингер и импозантный Нью-Йорк – две вещи несовместимые.

Чего Алиса только не выслушала! Через запятую: «Английский тебе не выучить!», «Тебя сдадут в бордель, это провокация!», «В Москве если что не так – купила билет, села на паровоз и уехала домой на Урал, а из Америки как? Ведь только самолётом. И билеты такие дорогие. Вот не выдержишь заморской жизни, а на билет денег нет, что тогда?»

Больше всех лютовала Влада, то бишь, Константиновна. Для неё контракт американский на имя «Зингер» был настоящим ударом ниже пояса! То, что она получит немалый процент от сделки – её агентство было «материнским» и процент за продвижение модели полагался приличный – уже не волновало. Мучило другое: за что, за что такие хлеба чухонке уральской? Она, Влада, сколько билась, сколько... В первом московском конкурсе красоты участвовала! Полжизни там оставила... Потом в модели попёрлась. Один кастинг сменял другой. Хваталась за всё: за фото в любых газетах и журналах, за рекламу, пусть даже самую паршивенькую. Снималась, снималась, снималась. С диет не слезала. По поди-

уму вышагивала (рост у неё метр семьдесят пять). Но мимо! Нет её в солистках; как была, так и пляшет в кордебалете. И так не один год уже. И проклятый эскорт её коснулся (это когда олигархов разных сопровождать надо). Первое время чин чинарём, но потом когда непристойное предложение сделали, согласилась, не ломаясь, вдруг что путнее перепадёт? Перепало! Агентство вот это плюс аборт. И теперь ей тридцать пять, не замужем, в содержанках живёт, и детей не предвидится даже в ближайшее время. А годы идут... Влада Константиновна от зингеровского контракта слегка тронулась головой. (Это все заметили). Она подняла все свои знакомства и договорилась, чтобы для некоей юной особы нашли место в глянцевах журналах, и в рекламе, что крутят на федеральных каналах. Перспектива! Всё у тебя, милая Зингер, будет здесь, в твоей стране. И не надо испытывать судьбу, ведь от добра добра не ищут. Там, за океаном, ждут тебя одиночество и страх, бессердечные продюсеры и завистливые соперницы. Никто тебе помогать не будет. (У картишек нет братишек!)

А Алиса неожиданно: «Я принимаю бой!»

Отец категорически – нет! Не в свои сани не садись. Бабушка Гизела не настаивала ни на чём, она неожиданно оставила право выбора за внучкой. Разве не права? Что так, что этак делает, а всё равно пожалеет. Но падать – так с белого коня.

Димон молчал. Ему исполнилось двадцать пять, молоч-

ный возраст для мужчины, но он осознавал, что второй раз за океан не позовут. Поэтому... Вперёд. Однозначно. Но с кем девчонка поедет? Бабушка не может, это понятно. Димон мог бы смотаться, да никто в Нью-Йорк его даже пальцем не поманил; притом как он всё бросит в Москве, когда у него здесь всё схвачено?

Так что, дитё поедет в Америку одно? Вот уже точно будет «Алиса в стране чудес». Так и вышло.

...

Сначала, вроде, ничего особенного. Прилетела, встрети-

ли, поселили. Нью-Йорк как Нью-Йорк, ничего особенного. Дома стоят, люди ходят.

Чудеса начались потом! И не на съёмках. А в лачугах.

Поселили сначала в нормальной квартирке, в пригороде, разумеется, там дешевле. Кухня, ванная, туалет. Комнаты две. В каждой живут по четыре барышни. (В Москве Алиса с бабушкой жили в комнате, где кроме них, жили ещё четверо, так что особо удивляться, увидев четырёхместку, ей не пришлось). Но в Москве за чистотой и порядком следила бабушка, а здесь никто ни за чем не следил, жили одним днём. Поэтому тараканы беспрепятственно плодились и размножались, а компаньонки куролесили. Потому как разные все. Одна из Хорватии. Другая из Польши. Третья из Дании. Алиса из России. Вот он, интернационал! Никто ни с кем не хотел считаться. Первая, Алехандра – редкая сволочь. Приезжает с показов часа в три ночи, входит в комнатёнку, беспардонно врубает свет и горланит по телефону, сколько душе заблагорассудится. Наглая, как бронетранспортёр. Что ей до того, что ещё три человека спят? Алехандра всем: «Чао-какао!»

Алиса хорватского не знала. Просто молча вставала с кровати и выключала свет. У неё, у Алисы, другой график, и ей следует высыпаться перед работой. (Модель обязана быть свежей и ухоженной!) Алехандру ничуть не волновал Алисин график. Она опять подходила к выключателю и, не переставая триндеть по телефону, вновь врубала свет.

Девчонки как могли, объясняли Алисе, что с Александрой не стоит связываться, что бесполезно, она родилась, чтобы всех гнобить. Укрощать такую бесстыжую – себе дороже. Терпи, другого выхода нет. И Алиса терпела до определённого момента. Этот момент настал, когда терпелка кончилась. И вот. Александра приходит ночью в очередной раз с показа, врубает свет, буднично орёт в телефон, тут Алиса поднимается с кровати, подходит к ней, сначала смотрит вдумчиво, потом резко хватает её за волосы и – хрясь! – со всего размаха о батарею. В Александре были все метр восемьдесят, если не больше, у неё были развитые плечи и грудь, и Алиса с её умопомрачительной худощавостью против неё выглядела чуть не цыплёнком. Да она такую одной левой! Но Алиса напала неожиданно, и внезапность сыграла решающую роль.

Александра поцеловалась с батареей основательно! Нос разбила, глаз подбила. Не сразу даже в себя пришла. Посидела с минуту, поморгала, чтобы искры из глаз перестали сыпаться. Но потом... Как встанет! В полный рост!!! Свирепая. (Соседки, датчанка с полькой, притихли, так как перед ними стояла разъярённая «тётя лошадь», с явным намерением «русскую детку затоптать»). А Алиса опять как прыгнет вперёд, да как врежет Александре со всего размаха. Та аж отлетела к стене! Снова поднимается, а Алиса её ногой в пах. Да с такой силой! Рухнула Александра.

Датчанка с полькой рты раскрыли: во русская даёт! Хулиганка, оказывается, забияка со стажем, а сначала даже

и не подумаешь, ведь такой лялей прикидывалась, белой и пушистой.

Вот она, правда: не верь глазам своим.

На самом деле Алиса не отличалась кротким нравом, что бы там ни говорили. Стеснительная, скованная, угловатая. Да, это всё про неё. Но это в мире глянца ей неуютно. Что же касается отношений, особенно отношений с девчонками, то тут следует сделать паузу. Многих удивит столь существенное замечание, но – что делать – удивляйтесь. Такую драчунью как Алиса Зингер надо было ещё поискать! Дралась она с того момента, как научилась ходить. Дралась с гусями и козами, с мальчишками, когда подросла. Не боялась встречного удара, лягалась не хуже лошади. С сестрой Кирой дома они постоянно пластались, да как! До последней капли крови. Отец с матерью, бабушки разнимали их и разводили по разные стороны баррикад. Буря утихала, но ненадолго. Чуть расслабятся сердобольные родственнички, сёстры опять сцепились. Но это ещё что! Алиса и в школе дралась. В начальных классах учительница постоянно жаловалась её матери, что их тощенькая Алиса всех задирает и девчонок одну за другой лупит. И мамы этих девчонок жаловались, прямо домой к ним приходили: «Примите меры!»

Уж ругали Алису, и наказывали. Ничего не помогало!

Укротить её пыл взялась Берта Тимофеевна. Она весьма убедительно провела с Алисой политинформацию на тему «Как постоять за себя, не пуская в ход кулаки», и с аргумен-

тами в пользу сепаратных переговоров трудно было не согласиться. Однако привычка – вторая натура, и Алиса продолжала следовать своей привычке.

Отец, тот не ругался, только качал головой, а однажды взял Алису за руку и, посмотрев в глаза, с укором сказал: «Да как ты можешь? Кулаками махать и ногтями царапаться? Ты же леди! Юная. Эх...» И впервые Алисе стало стыдно. Только после слов отца. И она стала сдерживать себя. И обиды стала проглатывать. И плакать чаще стала. А её на разные лады: «Немец-перец-колбаса». Обижалась, но терпела. (Разве леди плюются? Разве леди пинаются? Она – леди!) В общем, закусила удила.

И вот вновь привычка взяла над ней верх. Результаты этой привычки отразились на физиономии хорватской модели, которая сидела на полу, плакала, вытирая слёзы и сопли, и тревожно трогала правый заплывающий синяком глаз. Что же теперь будет? Работа, похоже, накрывается на неопределённый срок.

На шум заглянули соседки из другой комнаты (их тоже было четверо, все подиумные красотки). Заохали, запричитали. И ну, Алису склонять на разные лады! Тут переводчик не нужен, и так всё понятно. «Русская избила... Русская чуть не убила... Русская изуродовала... Русская притворялась хорошей, а на самом деле...»

Датчанка с полькой, как языки проглотили. Не заступились. Александру боялись. Она в этой съёмной квартире гай-

ки закручивала.

Алисе на следующий день выдвигают ультиматум: «Съезжай».

Легко сказать. Она всего второй месяц здесь. Куда съедешь с пустым карманом?

Но – где наша не пропадала! – нашла лачужку. Там тоже не зажилось. Наркоманила одна, на игле сидела и подворывала, разумеется. Пришлось опять искать другое жильё. И опять подешевле, а, значит, лачужку!

Сколько Алиса сменила их только за два года своего пребывания в Нью-Йорке!

И вот, наконец, квартира. Пусть съёмная. Но в высотке! С джакузи!!! Алисе двадцать, и она почти звезда (у неё же есть джакузи!). Кто не верил – тот проиграл!

...

Алиса сбросила с себя халатик, побегала босиком по паркету. Здорово! Жаль бабушка Гизела не видит. Он умерла сразу после отъезда Алисы в Нью-Йорк. Отец не стал сразу сообщать, чтоб не ранить, но она почувствовала неладное. Сердце не обманешь. Ещё когда бумаги заморские в Москве ворошила, заметила, что бабушка стала какой-то отстранённой; она, как в себя впала. Бывало, лежит на кровати, на своём первом ярусе, и кому-то рукой машет. «Уходит», – подумала тогда Алиса и сразу отогнала от себя эту мысль. Пусть её любимая Гизела живёт вечно! «Любимая моя, – шептала в самолёте Алиса, – родная моя...» А когда ей сообщили обо всём – очень деликатно – Алиса выла назрыд, но потом тихо сказала себе: «Ей хорошо теперь. Всё сделала, можно и на покой». И добавила про себя: «Это мудрость? Значит, я старею». И решила больше не праздновать день рождения.

...В ванную! Нежиться под водой среди царственного мрамора.

Волосы Алиса мыла специальным шампунем, профессиональным, как теперь принято говорить. Волосы у неё были светло-каштановыми, мягкими, даже очень, но долго держали завивку. Оказавшись в модельном бизнесе, для Алисы самым обременительным оказалось следить за волосами. Лак, горячие щипцы, опять лак. Потом здесь прядь подкрасить, потом здесь.

«Скоро полысеешь», – воскликнула бабушка Гизела, уви-

дев голову своей внучки после очередных съёмок.

Денег на дорогостоящие средства для волос у них, конечно, не было, но бабушка нашла выход: варила бальзамы из трав, готовила различные маски. И обязательно доставала настоящий творог и молоко без добавок. Кальций! «Волосы питаются по остаточному принципу, и питать их нужно изнутри!» – не уставала повторять бабушка. И у Алисы был полный рацион – все витамины, всё, что нужно! Она помогала бабушке по мере возможностей, как могла. Ездила за город, за МКАД, за натуральным коровьим молоком. Гизела опросила чуть ли не все соседние кунцевские дома, прежде, чем узнала адрес. В скитах монастырей есть свои коровники, и монахи продают натуральные молочные продукты в монастырских лавках! Дорого. Бабушка выделяла на «дорого» деньги и потом по графику кормила внучку молочком и творожком. По ложечке. Но регулярно. (Вот что такое настоящая немецкая аккуратность!)

Где в Нью-Йорке коровники искать? Придётся исходить из того, что есть. Тратиться на дорогостоящие средства и для кожи, и для волос. Ведь если за волосами не ухаживать – увидишь потом небо в алмазах!

Алиса решила не экономить на хороших шампунях и бальзамах и из своего скудного пайка выделяла на их приобретение приличную сумму. Она уже была матёрая и, прежде чем что-либо приобрести, согласовывала этот вопрос с врачом-трихологом. Оказывается в Нью-Йорке нема-

ло русских врачей. (Кстати, этому её бабушка научила).

Ничего так не напрягало и не изнуряло Алису в глянцево-м мире, как необходимость держать себя в форме. Не имеешь права быть некрасивой. Подтянутость в высшем понимании этого слова! Раскрасили тебя стилисты «под хохлому», приди со съёмок и сними макияж по всем правилам: специальным молочком, специальным подобранным именно для твоей кожи тоником. Умываться осторожно надо, и за водой следить, чтобы не жёсткая была. А то встанешь однажды утром и себя в зеркале не узнаешь: тут зацвело, так отекло. Тогда всё, съёмки отменяют, выпала из обоймы модель. Возиться будут только с раскрученными девчонками; им можно и покапризничать, и права покачать; их снимки фотографии, конечно, фотошопят, но средненьким на это рассчитывать не стоит, с ними разговор короткий.

Очень, очень много денег уходит на обязательные тоники, кремы, лосьоны, на массажи, пилинги, спа-процедуры (очень дорогие!), на витамины. Отложить лишнюю копейку практически невозможно.

Пока красотки юные, всё скрадывает возраст. Поэтому в модели и набирают девочек чуть ли не с тринадцати лет и на пенсию выпроваживают чуть ли не с двадцати пяти. Век модели короче, чем у балерин. Хотя бывают исключения.

Выматывающий график работы Алису почти не беспокоил. То, что выбивало из колеи других, её ровным счётом не задевало.

Алиса могла просиживать часами на съёмках в ожидании своей очереди, её не отпугивали ни софиты в студии, способные поджарить кого угодно, ни пронизывающий ветер, если съёмки проходили на улице. Если подиумные показы коллекций эксклюзивной одежды в каком-нибудь ночном клубе и до четырёх утра – пусть! Утомляет? Ну, наверное. Люди же, не роботы. Но сказать, что Алисе было тяжело, язык не повернётся.

Всё познаётся в сравнении.

Алиса из собственного опыта знала, что гектар картошки окучить куда тяжелее. Не поленитесь, посмотрите ради интереса, какое это огромное поле в один гектар! Слабо выполоть или перекопать такое? То-то! А семья Зингер и копала, и полола, и окучивала. Всем скопом выдвигались и лопатами и мотыгами махали. Весной трактор вспашет – за ним обязательно с лопатой идти нужно, чтобы глыбы земляные разбивать. Земля должна быть, как пух! Иначе про добрый урожай забудьте! Мелочь осенью с поля соберёте. Проку от неё немного. А надо дотянуть своими силами до следующей весны! Если у Зингер полон двор скотины, то чем её кормить? Покупать комбикорм? В копеечку влетит. Тогда поросята золотыми выйдут, дешевле мясо будет на рынке купить.

«Своя» еда для скотины нужна. А значит, картошка своя требуется. И скотине, и себе и на семена на будущий год оставить нужно.

На Урале плантации картофеля – норма. В сёлах и неболь-

ших городках у каждой семьи есть по участку картофеля. (В конце мая и спрашивать не надо, куда с лопатой пошли, картошку сажать). Но это ещё что! Картофельные поля требуют всё-таки периодичный уход.

А корова? От неё не отойти. Зимой ещё ничего, она в конюшне, её можно выдоить и в шесть, и в семь утра. А летом? Корову в стадо выгонять надо. А сначала нужно выдоить! Значит, подъём в пять утра. А после дойки руки как выламывает – жуть. Вот это усталость, так усталость. (Когда двух коров держали, одну мать доила, другую рядом – Алиса. Мать быстрее справлялась и всегда дочке помогала, а Алиса дивилась: откуда силы берутся, не двужильная же мамка у неё?) Молоко бидонами на продажу. Зато два мотоцикла в доме, трактор, легковая «Мазда». Не Рокфеллеры, но достаток есть. И даётся он, ох, как нелегко. Зингер не фермеры. (Какие фермеры в России?) Отец – механизатор, мать – бухгалтер. Все сельскохозяйственные работы идут как придаток, в послерабочее время. Полностью заняться фермерством родители ни за что не решились бы, трезво оценивая экономическую нестабильность в стране и бесконечные политические потрясения. Разве забудешь, как обворовывали картофельные поля в девяностые, когда в стране было почти полностью парализовано производство? Только посадят – ночью посаженную картошку выкопают. Сторожить пытались. И однажды воры соседа зингеровского застрелили из охотничьего ружья, когда тот пытался защитить свой

огород. Никого не нашли, разумеется. Потом бабушки Берта с Гизелой поставили ультиматум: жизнь дороже, а что будет, то будет. Поэтому просто терпели грабежи. А куда денешься? И овощные ямы у них чистили: варенье и соленье в банках уносили; собаку отравят и лезут преспокойно; и кур воровали – двадцать штук за раз унесли! Зингер мирились. Довольствовались тем, что оставляли. Не только физически, психологически очень тяжело было.

Поэтому когда знающие люди – опытные модели – принялись Алису страшать обратной стороной глянца в модельной свистопялке, ей сначала слушать было удивительно, а потом смешно. Не знали, они тяжёлой работы, однозначно не знали.

Про дядей, которые подкатывают к красивым полуголым девицам, что говорить? Было бы странно, если б они не подкатывали. Бабушка Гизела, не стесняясь выражениях, комментировала: «Сучка не захочет, кобель не вскочит». «Соблазнили! Боже мой! Бедненькая-несчастненькая! – ворчала она, будучи уверенной, что именно воспитание полностью определяет характер человека. – Это что за девочка такая, дядька пальцем поманил, она и побежала сразу? Мама не учила в детстве говорить: «Нет!»»

Ещё в поезде, когда только ехали в Москву, Гизела в красках показывала, как следует давать отпор парню, который пристаёт: ногой ему вот сюда (у них эти места у всех слабые)! А если разозлился, да с кулаками на тебя полезет, сразу ори:

«Милиция!»

Но никто никогда к Алисе не подкатывал. Она постоянно оказывалась в окружении ярких, обворожительных девушек, на фоне которых неизбежно меркла. Мужчин не прельщала её детская угловатость. И в этом не было ничего страшного. Неприятно было, что её клевали приятельницы. Издевались буквально! «Алиса, ты голого мужика хоть раз видела? Как увидишь, так и в обморок сразу хлопнешься!» – ржали они. Алиса краснела. А они за своё: «Знаешь, что у них есть вот здесь?» И давай показывать. Алиса убегала в туалет и плакала там. Но никого её слёзы особо не трогали. Её продолжали тиранить при каждом удобном случае. «Сегодня в ночном клубе показ. Но ты не бойся, тебя „не снимут“. Разве ты на что-то способна в постели? С тобой неинтересно», – и добавляли разные непристойности.

А когда бывали распродажи, то есть девчонки-модели могли купить брендовые вещи и элитную косметику за полцены, а то и вовсе за бесценок, Алису, осыпая насмешками, грубо отталкивали: «Это тебе не надо. Бабке своей ты и так понравишься!» Алиса глаза в пол и шаг назад. Она всегда ощущала себя человеком второго сорта, несовременной, непривлекательной. Несексуальной!

Про несексуальность она как-то не удержалась и рассказала бабушке, на что та отреагировала весьма спокойно: «Сколько тебе? Ты ребёнок ещё!» И тут бабушка стала поимённо перечислять Алисин коллег-приятельниц, с которы-

ми она частенько выезжала на съёмки.

Итак. Марина. Сексуальна-а-а-я! Слов нет! Да, мужчины вокруг неё ужами выются. Замужем? Нет. Помолвлена? (Бабушка всегда говорила по старинке). Звезда? Увы. А ей двадцать четыре.

Алиса заикнулась про Маринин гражданский брак, на что бабушка лишь ухмыльнулась. Брак бывает официальным! Гражданский – это сожителство, не «приколотое» к документу законом. А почему? Вот где собака зарыта. Любви нет! Раз сомневаются друг в друге. Раз не доверяют друг другу. Бабушка понизила голос: «И не первое у неё такое сожителство. Замужем не была, а уже мужиков столько перепробовала. Серьёзный да ответственный разве захочет с такой семьёю создать?»

Потом бабушка по пальцам пересчитала других Алисиных обидчиц (Гизела знала гораздо больше, чем ей внучка рассказывала): Луиза – потаскушка со стажем, Наталья – «пьёт, курит, дома не ночует» уже в гинекологии побывала, и понятно зачем, Настя – содержанка (богатый у неё покровитель, но женой её не видит, не ко двору пришлась), Василиса – «оторви да брось!» (всем хамкам хамка, как рот откроет – парни разбегутся).

Алиса робко возразила, что не разбегаются парни, что за Василисой ухаживают, да ещё как, парни даже дерутся из-за неё. Бабушка категорично: «Нормальные разбегутся!!! А про ненормальных я и слышать ничего не хочу!»

Интересно, что бабушка Гизела ходила с Алисой в ночной клуб. И не раз. Впечатлений принесла с собой ворох! Громкая музыка, конечно, ей мешала, но её стоило потерпеть, чтобы увидеть, как изменился мир.

Когда они пришли домой – кстати, под утро – бабуля в кухне стала в лицах показывать, как кто танцует и как кто одет. Алиса под стол от смеха лезла. «А волосы у него вот так! – восклицала бабушка. – И здесь у него вот так! И то к одной липнет, то к другой. Денег, говоришь, у него куры не клюют? Да мне его денег даром не нать! Да я с таким на один гектар не сяду! Это не мужик, это полубаба-полупривидение. Тощий, как глиста! А Луиза твоя перед ним, так и стелется, так и стелется. Ну, вкус у дивчины!» Алиса смеялась и возражала: «Да она не перед ним, перед деньгами его стелется. Богатой стать хочет». Бабушка опять: «Так на кой она ему сдалась такая? Неужто он дурак полный и не понимает, что не любят его?» Алиса, подумав, заверяла: «Понимает! Он не дурак. Ему просто любовь не нужна. Ему нужно соглашение. Чтобы женщина сумела достойно представлять его в обществе. Презентабельная была». Бабушка, нахмурившись, пеняла: «А дети?» Алиса тут же парировала: «И детей чтоб родила!» А бабуля торжествующе: «А детей от потаскушки ни один нормальный мужик не захочет!»

Трудно было не согласиться. Но Алиса возражала: «Луиза не считает себя потаскушкой. И никто её такой не считает». Бабушка вздохнула: «Считай – не считай, а много мужиков

сменила – кто ты после этого?»

Они тогда утречком завалились спать, их ночной труд подошёл к концу; тётки на работу попёрли. А днём, едва глаза протёрли, опять за разговоры. Алиса хотела поговорить. Расспросить. И бабушке Гизеле тоже хотелось коснуться темы, запретной, но оттого ещё более желанной.

– Деда я уважала. Всегда, – говорила бабушка. – Уважение – это тоже любовь. Она просто немного другая. Но она нужна, и часто отношения строятся на уважении. Однако есть нечто другое. И я вспоминаю это другое. И мне оно столько силы даёт! Только одна мысль о человеке! Мне в юности понравился один такой, за которым можно идти в огонь и в воду.

– А почему ты замуж за него не вышла? – осторожно спросила Алиса.

– Не могла, – тихо откликнулась бабушка. – Так сложилось. И забыть его не получается.

– Поэтому дедушка злился?

– Он никогда не злился! – заметила бабушка. – Его душа искорёжена страданиями. Их семья хлебнула не меньше нашего! И я очень благодарна дедушке твоему... за то... что он меня любил.

– Очень! – кивнула со знанием дела Алиса.

– Очень... Поверь, дорогого стоит, если тебя кто-то так сильно любит. Поэтому я счастливый человек! И мама твоя счастливая.

– Правда?

– Папа твой как её любит, а? – довольно улыбнулась бабушка. – Знала бы ты, как он за неё бился! Завоёвывал!

– А как? – спросила Алиса.

– Как! – передразнила бабушка. – Она в старших классах училась, а он уже в училище. У него занятия закончатся, он скорей в школу, твою маму встречать, портфель за неё носил. Задачи решал. Математика ей не давалась. Если б не папа твой...

– Я в маму.

– В маму! – кивнула бабушка Гизела. – У тебя любовь в сердце есть. От любви гармоничные рождаются, и они притягивают в свою жизнь необыкновенных людей. За которыми в огонь и в воду!

Они ещё говорили об абстрактном. А потом о конкретном. Бабушка разошлась, и лицо у неё горело, как у двадцатилетней. Глаза тёмные, глубокие, обычно с поволокой, тут пламенели. Бабушка рассуждала, философствовала и без конца повторяла, что любовь – это жертва. Так устроено в нашем мире. И любви без страданий не бывает. Только страдания нужно переносить стойко.

У Алисы всё заплясало перед глазами. Ей вдруг представилось, как в ночном клубе к ней подойдёт мускулистый красавец-военный и пригласит на танец. На вальс. А она скажет: «Я не умею танцевать вальс». А военный: «Я вас научу!» И все расступятся, потому что военных в таком за-

ведении не бывает, а вот появился, значит, что-то удивительное произошло, и вальсы в ночных клубах не танцуют, это странно. А ничего странного! Танцы танцевать можно всякие. И удивительного ничего нет. Красавец-военный искал милую и ласковую и нашёл, и пришёл. За Алисой пришёл!!! Она притянула его в свою жизнь любовью, доставшейся от мамы с папой. И теперь они поедут далеко-далеко, он будет воевать, а она будет его ждать и вязать носки (пяточку вязать у неё, правда, не получается, но бабушка подскажет, как надо), и ещё Алиса будет варить своему военному большие кастрюли борща, по-русски, чтоб ложка стояла. А когда военный однажды придёт обедать с другом, Алиса их накормит по высшему классу – с салатиком, с маринованными огурцами и фирменными бифштексами – и заодно врежет другу поварёшкой (несильно), чтобы не глазел на неё. «Все внебрачные отношения исключены!» – скажет она ему твёрдо, как учили её мама с бабушкой. И военный пожмёт её тонкую худую руку.

– А знаешь, что самое странное? – осеклась вдруг бабушка.

У Алисы замерло сердце. Ей показалось, что бабушка видит все её мысли и все её мечты.

– Ну? – с замиранием сердца откликнулась она.

– Захожу в ваш этот самый, в бизнес-центр – девочки молоденькие перед зданием с сигаретами. Сигареты больше их самих! И в ночном клубе тоже девочки с сигаретами. В ряд.

Как же можно?

– Папка тоже дымит, как паровоз.

– Папка – мужик. А они? Девушки. Будущие матери! Женщине нельзя курить ни в коем случае! Это как грудничку в рот сигарету запихать.

– Перед родами можно бросить, – пожала плечами Алиса.

– Уже прокуренная беременеет! Курево весь организм сотрясает, пропитывает.

Алиса вздохнула.

– Бабушка, Ленка Самошкина не курила, когда приехала! – затараторила Алиса. – Но если все вокруг дымят? И в руку суют: «Закури, да закури!» Поневоле закуришь... Когда все делают это, то кажется, что так и должно быть. Ленку осуждаешь?

– Сочувствую, дурочка ты моя! – покачала головой Гизела.

– И меня могли бы...

– Не могли! – отрезала бабушка. – Я здесь. Поэтому я здесь!

5

Алиса надела белый махровый халат и принялась сушить волосы, размахивая ими из стороны в сторону, взад-вперёд, как в детстве, когда они прибегали с сестрой с речки, мокрые, замёрзшие, как лягухи. Феном не пользовались. «Фен портит волосы», – прочитали они в модном журнале и приняли к сведению.

В Москве Алиса сушила волосы феном постоянно. Размахивать волосами было просто негде.

И вот теперь свершилось. Квартира с кухней, ванной, прихожей. С лоджией, длинной-предлинной, прямо как в американском кино. Ходи, где хочешь и трясись волосами, где хочешь. И Алиса не преминула воспользоваться такой чудесной возможностью.

И именно в таком виде застал её Димон, прилетевший из Нью-Йорка в Москву на её юбилей.

Она знала, что Димон придёт – давно грозился! – и она ждала его, хотя и отправляла без конца смс: «Дней рождения для меня не существует! Поздравления не принимаю. Но в гости жду!»

Некоторые обижались. Но Алиса знала, что Димон поймёт. Её, кроме бабушки Гизелы, только он и понимал.

Однажды она деньги, которые ей бабушка на молоко дала, потеряла, в слёзы – попадёт ведь! Димон: «Не реви!», сходил в ближайший супермаркет, купил ей две бутылки «белого», а когда узнал, что они с бабулей молоко покупают за городом в подмосковном монастыре, без слов снарядил свою «ауди», закинул Алису на заднее сидение, – и привет! Димону красотки кричат: «Ты куда?» А он: «За молоком! Для ребёнка». Все рты раскрыли, вот так новость!

В монастырской лавке Алиса опять давай реветь. Димон: «Не туда что ль приехали?» Алиса сквозь слёзы объяснила, что туда, да только молоко закончилось. Он вылупился

в изумлении – вон же на стеллажах целая батарея бутылей стоит. «Это козье, – воет Алиса. – А мне коровье надо». Димон репу почесал, потом спросил для ясности, типа, сильно отличается, что ли? Купим, какое есть; козье даже лучше, полезнее, его даже грудничкам дают, так упёртой бабке и объясним! Тут он слышал нечто, что потрясло его до глубины души. Он ожидал всего, чего угодно, но только не этого! «Дорогое!» – выдохнула Алиса.

О, да, козье молоко ценится значительно выше и стоит на порядок дороже коровьего. В целях экономии Алиса с бабушкой покупали всегда два литра коровьего натурального, которое растягивали на неделю, а с бабушкиной пенсии покупали ещё и триста граммов натурального творога.

«Нет, я так больше не могу, – пролепетал Димон. – Мои ж деньги. Какая разница-то?» Вот-вот! Алиса встрепенулась. Бабушка сразу поймёт, что молоко не на их деньги куплено. А откуда у неё, у малолетки, лишние рубли? (Алиса все свои крохотные гонорары бабушке отдавала, а та уже распределяла, что куда). Где взяла деньги? Кто раскошелился? Димон как заорёт: «Скажешь, что я купил!» Алиса не унималась: «А бабушка обязательно спросит, за что это он тебе такого дорогого молока купил?» Димон онемел. Всё, что угодно, но только... Если бы кольцо с бриллиантом или серьги с бриллиантом купил, но молоко?

Сцепив зубы, Димон взял четыре бутылки козьего молока, творога аж килограмм и даже настоящего козьего сыра

шмат и зарёкся больше никогда не связываться с этим детским садом!

В далёкое тихое Кунцево они с Алисой заявили вместе, и Димон в красках, убедительно, как мог, рассказал бабушке Гизеле как старой знакомой, о некоей премии юным моделям, кому ещё не исполнилось восемнадцати, что премию выделило всемогущее руководство: «Малолеткам за вредность полагается». И, кстати, деньги, которые бабушка на молоко дала Алисе, пару сотенных «деревянных» (в конвертируемой валюте – три доллара) на столе оставил; и бабуля деньги сразу же заботливо прибрала.

Уже в машине он несколько успокоился и перестал злиться на чудаковатых Зингер, и чертыхаться перестал, а потом, пораскинув мозгами, даже пришёл к выводу, что старушка, в принципе, права. Контроль нужен. Он сам видел, что делают с неопытными девочками, оставшимися без опеки родителей. Их заманивают добрым словом и лакомым куском, вроде, помогают, вроде, даже от чистого сердца, а потом... А потом девочки превращаются в циничных шлюшек с извращённой философией и с весьма сомнительным жизненным опытом. Модельный бизнес – это как по канату над пропастью ходить, шаг вправо – шаг влево. Главная опасность, не видимая глазу, – соблазны. Для неискущённых – ловушка, из которой редко кто выбирается. Ведь один раз брендовую вещь наденешь, пройдёшься в платье от подлинного мастера-дизайнера – барахло с рынка уже наденешь; один раз по-

бываешь в роскошном особняке, да с бассейном, да сауной, да с солярием – в съёмную трущобу на окраине вернуться уже не захочешь. А за всё нужно платить. И как?.. Какую границу нельзя переступить ни в коем случае?

...

...Алиса самозабвенно трясла волосами. В белом халате на белом квадратном паласе. Стильно, ничего не скажешь!

– О-о-о!

Она обернулась. В дверях стоял Димон с огромным букетом цветов и тортом в цветастой коробке. Она видела такие на углу в витрине кондитерской «У Рошалья».

– Какие люди... – манерно запела Алиса. – И как это вы вошли?

– Не заперто! Как это по-русски, фрейлен!

Алиса прекрасно знала, что выглядит сейчас несколько глупо, но вместе с тем и шикарно: волосы ухожены, лицо ухожено (кожа ровная, смуглая, гладкая-гладкая), ноги после депиляции – тоже гладкие. Нечего скрывать! Смотрите, люди добрые! У неё всё своё, не нарисованное и не прикрытое модными тряпками. Её красота естественная, натуральная, как молоко в монастырской лавке. И такую, как она, ещё нужно поискать! Смотри, мой старый друг, ах, ты «казанова» московский, обрати внимание, что Алиса не хуже твоих подружек.

– «Остановись, мгновенье ты прекрасно!» – Димон поднял цветы вверх.

Алиса выглядела потрясающе. «Идеальная фотомодель!», – отметил его намётанный глаз опытного фотографа.

Он встал на одно колено и протянул букет. Алиса засмеялась, схватила цветы и закружилась в комнате.

А букет-то из Москвы! Явно Димон заказал его в каком-то элитном цветочном бутике. Цветы благополучно пережили многочасовой перелёт, даже не собирались вянуть, явно обработаны чем-то, но это же для неё, для Алисы! Розы, розы, розы, да какие крупные, да с какими причудливыми листьями! На многих лепестках надпись: «Москва». А на причудливом вытянутом листе чёрным по зелёному: «Родина-Мать зовёт!»

– В вазу? – радостно спросила Алиса, показывая на цветы.

– В унитаз, – умыкнул Димон.

Алиса ускакала на кухню. Потом вдруг выскочила.

– Я же не праздную! – пискнула она.

– Не празднуй, – лениво бросил Димона и устало плюхнулся в кресло. – А цветы поставь!

Она опять умчалась. Этаким бег с препятствиями. Потом снова прибежала, открыла свою гардеробную комнату, сдёрнула какое-то платье с плечиков и вновь стремглав унеслась.

«Реакция есть, – подумал Димон и мысленно добавил известную присказку, – дети будут!»

Он чуть прикрыл глаза. Подремать бы! Разница во времени давала о себе знать. Почти восемь часов. Ночь летел. Успеть хотел. Чтоб с утраца именинницу дома застать. Ес-

ли в Нью-Йорке сейчас десять утра, то в Москве... О-о-о! Самый сон... Димон пересел на диван, потом повернулся и улёгся, блаженно вытянув ноги.

Алиса вернулась в комнату с зачёсанными назад распущенными волосами и разодетая; хотя узкое короткое платье в обтяжку полноценной одеждой назвать язык не поворачивается, однако смотрится красиво: безрукавное, цвет небесно-голубой, оттеняющий Алисину смуглую матовую кожу, с очень глубоким клинообразным вырезом, подчёркивающим все дамские прелести (у Алисы есть на что посмотреть), короткое по самое некуда, туго обтягивающее великолепный девичий зад-луковку, из-под которого виднеются длинные ноги с шоколадным отливом, не идеальные, но очень стройные и оттого очень красивые.

Димон тотчас присел, быстро продрал глаза и непроизвольно впился глазами в ноги, забыв все правила приличия. Ему хотелось протянуть руку и коснуться смуглой кожи этих так волнующих его ног. Присущая ему бесшабашность не помешала бы это сделать, но он боялся напугать Алису; вдруг она подумает что дурное, ведь репутация, прямо скажем, у него не самая лучшая. То, чем он раньше гордился, стало в его собственных глазах чуть ли не пороком.

В руках Алиса держала кастрюлю, откуда торчали розы.

– Как красиво! Какое чудесное кашпо, – картинно развёл руками Димон. – Ты прирождённый дизайнер!

– Дурак, – отмахнулась Алиса. – Я же не знала, что при-

несёшь.

И она глазами показала на цветы.

– А я думал, что поклонники заваливают тебя букетами, – промычал Димон.

Он сделал «разведку боем», всё-таки Алиса два года здесь, могли быть и перемены. Она подросла. Похорошела, что ни говори! И сегодня у неё круглая дата.

Димон волновался, хотя всячески старался это скрыть. После отъезда Алисы в Америку, он места себе не находил. И никогда не думал, что будет так тосковать. И, вроде, по кому тосковать-то? Так, дитё по сути, несмышлёное, неамбициозное, неэрудированное. Он помнил, как Алиса на полном серьёзе спросила у него, что такое конституция (готовилась к экзаменам). Он помолчал, напустив на себя необычайную важность, а потом принялся ораторствовать: «Конституция? Она такая... большая. Хитрая! И нужная». Он вновь сделал паузу, а Алиса по-детски: «Кому?» Тут Димон, оседлав своего любимого конька, пустился во все тяжкие: «Мне». Давай заливать, как он не может жить без конституции, как всё время думает о конституции. Алиса насторожилась, заподозрив, что её обманывают, хотят посмеяться, и приготовилась поставить этого умника на место: сейчас ка-а-ак... «Президенту нужна конституция, – буднично продолжил Димон. – Многим людям. Но! Знаешь, какая она дура? О-о-о! Говорит одно – делает другое. Думает третье!» Алиса растерялась. Это было несмешно и абсолютно не остроумно. Али-

са округлила глаза: «А бабушка сказала, что это закон!» Димон оглушил её хохотом. «На экзамене так и скажи. Бабушка слушаться надо!», – подбодрил он.

Алису эта участь миновала. Она сдавала другие предметы: письменные математику и русский (на твёрдые тройки), ещё физкультуру сдавала (четвёрку потом поставили). Свидетельство о девятилетнем образовании было в кармане! Смогла. Но гувернёрство Димона не прошло даром. Уже в Нью-Йорке, в очередной лачужке однажды в «междусобойчике», в одном умном политическом разговоре с модельными фаворитками Алиса небрежно бросила: «О какой конституции вы говорите? Какой закон? Вы что не понимаете? Конституция – это дура!» И все поначалу притихли, а потом заохали, какая русская умная.

...

...Оголтелое детство Дмитрия Сальникова прошло в Москве на Славянском бульваре. В школу он ходил близлежащую. Учился нестабильно, но без напряжения. Особое место отводил спорту. Не потому что спорт любил, а потому что соседский парень Владик Карацев в Канаду на соревнования с юниорской сборной по хоккею ездил. И не только в Канаду. Просто Димон запомнил последнее. Как-то спросил Владика, куда он с такой крутой спортивной сумкой намылился, а тот: «В Канаду!» Димон тогда учился то ли во втором, то ли в третьем классе, а Владик в седьмом. И Димону тоже захотелось! Пройти вот так вразвалку и бросить небрежно одна-

жды: «Я уезжаю в Канаду!» А то он всё время ездил на летние и зимние каникулы за город на реку Людовну, где у них была полуразвалившаяся допотопная дача. Надоело, сколь ж можно? Хочется мир посмотреть (и себя показать!)

Пошёл Димон в спорткомплекс и записался в секцию по хоккею. Отец, инженер, не из последних в НИИ, купил ему дорогостоящее обмундирование, снаряжение и целый набор шайб. Димон в хоккей прыгнул, как в речку с бережка. Первое занятие ему не понравилось. Бегают и бегают, бегают и бегают. А на лёд когда? Тренер – кретин безмозглый, не знает, как тренировать надо. Не хоккейная секция, а шарашкина контора какая-то. Димон бы ушёл оттуда! Никто его не удержал бы, да за снаряжение большие бабки заплачены. Придётся терпеть.

Год потерпел. Второй вытерпел. А потом тренер перевёл его из защитников в крайние нападающие, в основные атакующие игроки. В точку попал! Вот где раскрылся характер Димона. Вперёд, и дай первым по зубам! Выбей десятку, бомбардир!!!

Димона было уже не остановить. Матчи, соревнования, НХЛ. В его разговоре без конца вылетало: «НХЛ». И мать его даже шантажировала: «Не пересдашь физику – никакого тебе НХЛ». Да, Димону пришлось многое пересдавать. Пробелы в учёбе не замедлили сказаться. Но плевал он на них с большой колокольни! Только хоккей и ничего, кроме хоккея. Димон либо тренировался, либо смотрел соревнования,

либо участвовал в соревнованиях. А на корте никаких реверансов! Вперёд, пробивайся! Работай руками и ногами, и зубами, и клюшкой. Чуть сбавил темп – тебя уже отбросили, и ты где-то уже на задворках вселенной. Ау?

Хоккеисты, дружки его, и он сам, злобные, как чербы; палец протяни – полруки отхватят! И все первыми напасть норовят, кунуть противника. В хоккее все – охотники. Но охотники, работающие в команде. Слаженная стая волков! Понимать другого и опередить другого. И вперёд, только вперёд! Но отъехать в сторону чуть надо, чтобы, как на ладони, увидеть весь корт – всё поле боя целиком.

Первой забила тревогу мама. «Его оставят на второй год!» – со слезами кричала она по вечерам. Как в пустоту! Отец был занят, ему было не до пустяков, у него – долги, и из долгов следовало выпутываться, так что, домочадцы, не обессудьте.

Тогда мама приступила к крайним мерам и закрыла однажды сына в комнате на ключ. Никакого хоккея, никакого тебе НХЛ! А он открыл окно и спустился вниз по водосточной трубе. Стояла зима. Непробиваемо-холодная. И скользкая к тому же. Димон, скатываясь вниз по железной трубе, ободрал себе ладони, подбородок и ещё интимное мужское место. Но сумел с пятого этажа спуститься на первый, то есть на землю грешную. Бабки у подъезда, невозмутимые, как танки, лишь проворчали: «Сальников опять безобразничает! Ну, и семейка... Родители с виду такие приличные».

А Димон, отряхнувшись, как был в свитере и летних кедах, так и прикондыбал на тренировку. Тренер, увидев Димона, бегущего в мороз, можно сказать, в чём мать родила, вмазал ему, как следует, затем позвонил его родителям и долго и основательно перемывал Димону кости, наставляя несговорчивых предков на путь истинный.

Когда Димон пришёл домой – в шапке, куртке и ботинках, которые ему дал тренер – отец с матерью, как сторожевые псы, поджидали его у входной двери. Отец коротко бросил: «Задачи по геометрии я тебе все решил. Перепиши. Чтоб сдал математику, стервец!» А мама: «Сочинение вон там, на столе. Тоже перепиши. Но это потом. Сейчас не успеешь. Уже десять вечера. Утром подниму». Она слово сдержала, подняла утром. В пять! И строго проконтролировала, чтобы сын переписал всё, как надо. У Димона онемели пальцы, он даже сердился: «Мама так много написала! Не могла поменьше?» Но вслух своих опасений он не высказал, боясь её обидеть. А в школе успешно отчитался, причём, по всем предметам! Постарался. Все «хвосты» сдал! Ради папы с мамой. А летом отец поставил перед фактом: сын будет учиться в спортивной школе – там проще с посещаемостью. Димон сказал: «Спасибо!» А отец: «Далековато. Ездить придётся. Чтоб прогулов не было!» Димон кивнул. И стал ездить. И как-то всё пошло-поехало. Раздетым в мороз больше не бегал, и мама больше не проклинала хоккей. А в одиннадцатом классе у него химия заартачилась. Димон, кото-

рый привык всё ловить на лету, понял, что влип. Не даёт-ся ему органическая зловредная химия! И химичка – в позу. Это его задело. Он не хуже других. Поумнее даже! Да Димон кому только задачки не решает в классе! Он, не папа, про папу забудьте. Всё, ушло то время, когда родители над его домашними заданиями горбатились. Теперь он сам! Но органика у него органически не переваривалась. А аттестат был нужен. И Димон проявил находчивость, соблазнив учительницу. Она была молодая. (Димон тоже). Но она оказалась невинной. (А он искушённым).

К одиннадцатому классу Димон вымахал в здоровенного детину, врал нередко, что служил в армии – ему верили! – что дембельнулся и играет теперь в хоккей за сборную ЦСКА. На девушек его рассказ производил неизгладимое впечатление, в связи с чем, девушек у него было великое множество. И он даже не задумывался, хорошо это или плохо. (Домой девки не вламывались, и ладно). И неопытную в любовных утехх химичку Димон соблазнил профессионально и до банальности просто. Встречи их стали регулярными, Димон к учительнице даже привык и даже подумывал жениться. А что ему терять? Химичка – хозяйюшка хоть куда. Не очень красивая, но это дело вкуса. Димона устраивает. Ему с химичкой спокойно и надёжно. Она приглашает его в свою комнату в двухкомнатной квартире, которую делит со своей мамой. Вот он к ней переедет, поступит в институт, будут жить, а потом... Однако химичка, тёмно-рыжень-

кая, конопатенькая, волнующе упитанная, давай протестовать. «Замуж? За тебя? – вскинулась она (в постели, между прочим). – С таким бабником, как ты, разве можно нормально жить?» Димон даже удивился. Это он-то бабник? Во даёт! Она не видела их вратаря и защитника. У тех точно бабы через запятую. И когда только успевают? Тренировки ежедневные и по несколько часов! У него, у Димона, постоянная женщина есть, это она, учительница химии, ничего, что старше, даже хорошо! А химичка: «Плохо! Я старухой себя рядом с тобой чувствую!» И послала Димона куда подальше. Он ушёл (послушный мальчик). Поступил в институт, в МАИ на радиоэлектронику, кстати, на бюджетное отделение. Легко и играючи! А потом... Случилось странное. Он вспомнил химичку. Когда увидел фотографии в институте. К восьмому марта стенд готовили, дам поздравляли. Рыженькая девушка! На портрете она была такой страшенькой и такой пленительной одновременно, что Димон сразу же вспомнил, что видел уже такое. Да не далее, чем полгода назад! И тогда понял, почему так долго сожительствовал с учительницей, потому что пленительность её чувствовал, только высказать это чувство вслух не мог. Димон все глаза сломал о фотку, и проходящий мимо студент уважительно хмыкнул: «Нравится? Вот что значит фэшн-съёмка!» Нравится не то слово. Димон испытал некое эмоциональное потрясение. Хотя, казалось бы, что особенного? Он с восьмого класса увлекался фотографией. Когда появились первые цифровые фотоаппа-

раты, Сальниковы первые смогла приобрести! И щёлкали – только треск стоял! Но фэшн-фотография – другое. Шайбой наотмашь! Гол в одни ворота! Абсолютная победа. Всухую.

Весь женский праздник шалопай Сальников ходил, как пришибленный. А на следующий день уже изучал всё, то касается фэшн и художественной фотографии. Потом всё лето работал барменом и осенью купил новый профессиональный фотоаппарат с фотовспышкой и прочими причиндалами. Благодаря упорству, граничащему с наглостью, пролез в модельное агентство и стал подрабатывать фотографом. А через год победил на международном фотоконкурсе «Остановись, мгновенье...» А ещё через год стал штатным сотрудником агентства и всюду давал мастер-классы по фотоискусству! Он с таким упоением рассказывал новичкам о технике постановки света, о предельной внимательности к нюансам, играющим не последнюю роль в фэшн-фотосессии. Один кадр зачастую требует тщательной и длительной подготовки, чтобы составить грамотную композицию: выразительные пейзажи, необычные предметы интерьера и дамского туалета. Чтобы снимок получился, нужно объяснить модели поставленную задачу – какой образ она должна воплотить в кадр? – и создать условия, чтобы девушку особо ничего не отвлекало. Даже когда съёмка прошла безупречно, фотошоп необходим, как своего рода шлифование, заключительная обработка снимка. Фотограф совмещает в себе и функции графического редактора. Без этого «глянец»

никогда не станет «глянцем»! И съёмки разные: на показах мод, на улице, в студии. Особое место занимают коммерческие или каталожные съёмки (хороший каталог, с правильно расставленными акцентами, – залог успешных продаж любого бренда).

Димон уже не мог думать ни о чём, кроме фэшн-индустрии. Он сам не заметил, как хоккей отошёл на второй план.

Димон брал дорогостоящие уроки у признанных мэтров. Тысяча долларов в час! Прикоснуться к секретам фотомастерства стоит этого.

Особенно ему импонировал стиль одного маститого французского фотографа. Безупречный гламурный вкус и редкая естественность в кадре! Его индивидуальный почерк проглядывался в каждом снимке. Кстати, самые первые работы опубликовал известный модный журнал в конце шестидесятых. Француз оказался пионером во всём: в первооткрывании стиля, мысли, красивых женщин. Он мог начать снимать прямо под дождём! И эти расфокусированные снимки несли в себе какую-то особенную энергетику. Но чтобы подобное напечатали в модном журнале – Боже упаси! Объявят дилетантом, и точка! А снимки рискованного француза печатали. Смотрели на его снимки и восхищались! В России его окрестили Фетом фотографии. Каждый образ, созданный великим французом, нёс в себе фетовскую иррациональность и чувственность. Журналисты отмечали, что свои случайные открытия этот фотограф смог превратить в эта-

лон модной фотографии эпохи восьмидесятых. Из размытых водой кадров появился новый приём. В крупных планах он задавал очень узкий фокус, так что нос модели и мочка уха слегкаплыли, а часть снимка, захватывающая глаза и изящный изгиб шеи, получалась вполне резкой. (А на шее – дорогое кольцо!) Эта техника принесла ему славу лучшего рекламного фотографа своего времени!

А ещё славу этого мэтра составляли женщины, которых он любил. Они все – фотомодели! Нечего удивляться; где вы видели собаку, обмотанную сосисками?

Фотограф, бывало, откровенничал и говорил, что ему нравятся эмоции, которые он получает от своих моделей, та неуловимая субстанция, которую удаётся поймать в момент нажатия кнопки. Ведь настроение никогда не повторится в точности!

А Алисе нравился стиль другого фотографа, перуанского. Она сама Димону говорила об этом и даже писала однажды ему в соцсетях, что видела того живьём!

Перуанец юнцом приехал из Латинской Америки в Европу в начале семидесятых. Прямым из Лимы в Лондон. Никто не ждал его с распростёртыми объятиями и не жаждал помогать, поэтому хлебнуть пришлось сполна. Все, абсолютно все его снимки забраковывали редакторы глянцевого журналов. Примитивно, пошло, мелко. Европа была против перуанца! И, если бы не фантастическое упрямство, лететь бы ему самолётом, плыть бы пароходом в родную Лиму.

Перуанец устроил в заброшенном госпитале студию, где за гроши мастерил начинающим моделям портфолио. Всё, как у людей! И парикмахер, и визажист. Непрофессиональные, правда. Но судьба настолько иронична и непредсказуема! Вот она, фраза, ставшая классикой: «Непрофессионал построил ковчег, профессионал построил «Титаник». Денег на покупку профессионального света у парня не было, и он приноровился снимать у окна, меняя освещение при помощи небольших отверстий в картонном листе, которым периодически закрывал оконный проём.

Позднее, уже став мэтром, используя большие возможности осветительных приборов, имея под рукой ультрасовременное оборудование и аппаратуру, перуанский фотограф вновь вернулся к естественному дневному свету.

Любую, даже самую паршивую натуру он мог подать красиво. А ведь фотографа узнают по его женским образам! Перуанец как-то заметил, что для него эталон – это девушка, с которой он может сесть за один стол.

Он был уверен, что портреты не должны приукрашивать человека. Это как самоидентификация личности. Образы в имиджевой съёмке как бы отдалённо должны напоминать наших знакомых. Этих людей нужно просто открыть заново!

Но Димон признавал, что по-настоящему выдающийся фотограф в мире глянца – это немецкий еврей Хелми. Легенда! Переживший подростком гонения во время войны, он покинул родную Германию и скитался по всему миру, ища

пристанища. Сингапур, Австралия. Задача стояла лишь одна – выжить. Но он не только выжил, а стал звездой гламурного мира! Не где-нибудь, в Париже подписал контракт с ведущим модным журналом! Его снимки всегда были провокационными. Диапазон его творчества впечатлял: от дамы в пивнушке до королевы. Он без стеснения приятельствовал с проститутками, активно снимал их и даже ставил в пример профессиональным моделям, отмечая раскованность тех в позировании перед камерой. Невольно выработалась своя философия. Мир настолько непознаваем до конца, что нужно сохранить в памяти то мгновение, в котором отражается сущность личности. (А каждый человек – личность!) Ответом на его высокопарные выражения служило едкое замечание, что, дескать, он увлечённо фотографирует крупных женщин на высоченных каблуках, кнутом понукающих мужчин. От упрёков отмахивался: «Гламур – грубый бизнес. Вы не знали?» И без тени смущения нащёлкал ворох фоток известной режиссёрши-нацистки, водившей дружбу с Гитлером. «Сохраним для истории!» Вот и весь сказ.

Димон внимательно изучал стиль Хелми и во многом ему подражал. И организовал потом фотосессию для Алисы. В стиле «ню».

Закончилось это плачевно. Бабушка Гизела «ню» категорически отвергла и Димона чуть не прибила.

Вместе с тем триумфально закончилось. Престижное модельное агентство из Нью-Йорка прислало Алисе контракт!

Победителей не судят.

...

...Сейчас Димон тоже в Нью-Йорке. Не первый раз. И раньше навещался. Но в гостях у Алисы был впервые.

Его впечатлили Алисины апартаменты. Не где-нибудь живёт, на Манхэттене! Высотный дом с мраморными входными группами. Бесшумные скоростные лифты. Сел – и через пару секунд уже на месте. Классно, правда? И квартира что надо! Считается «однушкой», и не сказать, что большая, но кроме отдельной хорошенькой кухоньки, есть гостиная, а в ней имеется огороженный закуток для спальни, куда вмещается двуспальная кровать с толстенным матрасом, зеркальный туалетный столик, напиханный множеством заковыристых ящичков, где можно спрятать и бусы, и браслеты, и помады с пудрой, в закутке есть также пуфик и полочки для книг. (Когда Алиса ушла на кухню, Димон не преминул глянуть в закуток). Почти двухкомнатная квартира. С отличным ремонтом! Гламурненькое жильё. Явно в месяц стоит более двух тысяч долларов.

Сам он в Москве так и ютился с родителями всё на том же Славянской бульваре, где прошло его детство. Дом – старая девятиэтажка, которая простоит ещё лет сто, наверное. Квартира в две маленькие изолированные комнаты, у родителей – своя, самая большая комната, у него тоже своя. Вся меблировка в «совковом» духе: у родителей – гарнитур из шкафов-близнецов, кожаный диван с креслами и ковром

на стене, телевизор с компьютером, у Димон и того проще – софа, стол с офисным вращающимся креслом, ноутбук и захламлённый книжный шкаф. В общем, ничего особенного, всё очень даже стандартно. Не шик-модерн, но и не голь перекатная.

Димона это не особенно огорчало до тех пор, пока его знакомые не «пошли в гору» и не стали скупать недвижимость в Испании, в Италии. Целые виллы! Это вам не шухры-мухры! И интерьерчики в этих виллах забабахали королям на зависть! Димона приглашали туда; ездил, видел, впечатлился. Стены прозрачные, из специального стекла – такие стены ещё называют панорамными – пол из лиственницы, ванная с сауной и собственный бассейн, разумеется. И человек, которые всю эту грубую роскошь приобрёл, живой, «из мяса», и можно до него дотронуться рукой, и можно напомнить ему между прочим: «А помнишь, как мы с тобой на рыбалке сома в десять килограммов поймали?» А тот: «Да, было время. А здесь у меня пруд свой, буду зеркального карпа разводить. Приедешь опять в гости – нажарим!» Вот такие знакомые у Димона. Кто он против них?

Понял Димон, что поотстал от жизни и надо навёрстывать. Прямо, как в школе. А то не ровён час «на осень» оставят, а то и на второй год.

Тогда Димон грудью лёг, а завёл перспективные знакомства с перспективными людьми. Всех киношных и эстрадных «звёзд» перелопатил. Не только фотографией, продю-

сированием занялся, подзаработал и сумел влезть в доленое строительство коттеджного загородного посёлка. Оперативно! Первый взнос – тридцать процентов от стоимости домика, небольшого такого, в двести квадратных метров (да, небольшого, у других хоромы в метров триста, а то и четыреста). Вскоре ключи получил. Первый этаж отремонтировал и японский сад возле дома разбил (чтоб соседей «умыть», мол, знай наших). Только после этого родственникам признался в афере. Они в голос: «Почему афера? Чем можем – поможем!» Тут бабушка его расчувствовалась и чистосердечно призналась: «Я всегда мечтала о собственном домике с японским садиком во дворе! Как я рада, что хоть у тебя это всё будет». И у Димона как-то само вылетело: «Это – тебе!» Бабушка не поверила. А Димон твердо: «Твоя мечта осуществилась! Это тебе». Отец с матерью нахмурились, засомневались более чем. Димон у них альтруизмом не страдал, единственный отпрыск в семье, всё внимание ему. Избалован до предела! Молоко на губах не обсохло, а уже немалую денгу заколачивает. Машины меняет одна за одной, девушек меняет одну за другой. У него снега зимой не выпросишь, а он целую домину, нате, возьмите, не жалко. Надо же, какой царский жест! Что-то здесь не так.

Димона недоверие задело за живое. За кого его принимают? Да он... Знают ли они, кто он на самом деле?!

Димон сгрёб в охапку всю родню и привёз в коттеджный посёлок, где некоторые богатеи уже начали обживать свои

дома. «Экскурсия для моих самых любимых бесплатно!» – раскланялся он, и все восторженно зааплодировали. Вперёд! Первый этаж – сто квадратных метров. Тут кухня-гостиная, тут спальня, тут кабинет, тут кладовка, тут ванная с прачечной и сушилкой. Паркет, кафель – по высшему классу. Крутой натяжной потолок с подсветкой – смотри вверх и жизнью наслаждайся, произведение искусства! Коммуникации все – центральные. Не парьтесь, дорогие, ни об отоплении, ни о воде. Как в городе. Приехали и включили краны.

Бабушка зацокала языком, мать с отцом закивали, а тётя, родная бабушкина дочь и папина сестра, засомневалась: «Дима, такой дом нужен тебе больше! Женишься. Дети. Пусть минует их чаша, что мы испили». Да уж, теснота-теснотища коснулась их более чем! Бабушка испуганно запричитала, что, конечно, дом нужен в первую очередь Диме, а они сюда только приезжать будут. В гости! Малышей нянчить: внуков и правнуков. Димон пробубнил, что жениться не собирается, на что бабушка, и мама, и тётя в голос: «Придёт время – охмутают, и не отвертишься!» Димон потрянул головой и твёрдо залепил: «Здесь будет жить бабушка! И ты, тётя. Вам веселее вдвоём. Нечего ютиться в своём коммунальном клоповнике». Он повернулся к родителям: «Второй этаж отремонтирую – вы тоже переезжайте». Он в упор смотрел на них, а они – видно было – «подрастерялись». Наконец отец пришёл в себя и, сделав шаг вперёд, по-мужски пожал Димону руку: «Спасибо, сынок!» Мать всплакнула. Бабушка

тоже.

А отец принялся соловьём разливать, рассказывая, как цементную стяжку на втором этаже сделает, как с проводкой будет что-то инженерно-заковыристое вытворять. А Димон в это время подсчитывал. Сколько ему ипотеку выплачивать? О-ёй! Вот кабала так кабала! Итак. Он брал на пятнадцать лет. Офонареть, как долго! Нужно срок укоротить. До десяти лет хотя бы. Да, до десяти! Если сейчас банку тысячу долларов в месяц платит, то, если укоротить срок, получится почти две тысячи. Мда, дороговато. У Димона заныло сердце, и так страшно стало, как будто его в НХЛ не пускают (ему в детстве снилось, что дяденька в сереньком пиджачке дверь, где «НХЛ» написано, перегородил и ласково твердит: «Не пуцу!»); Димон тогда в слезах просыпался, и мама его успокаивала). Сейчас былой страх вновь вернулся. А если он не потянет?.. И банк конфискует дом?.. Что будет с бабушкой и тётей? И от такого позора не отмыться! Димон глубоко вздохнул. Не допустить! Обратного хода нет. Он постарается, будет много работать... И – «безумству храбрых поём мы песню!» Димон лихо потрянул своей бритой головой и успокоился.

Пока придётся жить с родителями. (Душу отводить можно будет в студии папанькиного друга). Дворец – бабушке. И баста!

Димон не жалел, что так вышло. У него всё пело внутри! Никогда ему не было так хорошо, как сейчас. Он видел ис-

кромётную радость в глазах близких, и сам радовался. Он был оглушен счастьем!

...

...Бабушка и дедушка развелись, когда Димону исполнился год. Дед влюбился. Его можно понять, мужик видный, молоджавый, с профессией – Инженер Инженерович, и не рядовой, а заместитель главного. С таким не стыдно в люди выйти, и приударить за таким не стыдно. И нашлась одна такая, типа, «люблю – не могу», без конца носила ему документы в кабинет на подпись. Разрез юбки – по самое некуда, декольте – как у порнозвезды. Не устоял дед, клюнул и попался в сети. Загулял.

Дети его не поддержали. Отец в том числе. И не потому что бабушка плакала навзрыд. Посмотрели бы вы на эту молодуху! У неё же всё на лице написано: «Вперёд. И по трупам». С периферии. Провинциалка. И она не хочет выгодно устроиться в столице? Ой, ли! Да она спит и видит, как прописаться в Москве, да оторвать лишний метр для себя.

Но дед был иного мнения. Он считал себя выдающимся мужчиной, за которым женщины идут в огонь и в воду. Может, тешил себя, а может, был в чём-то прав, бабушка-то по нему с ума сходила. Но, в общем, закончилось всё прозаично. Разменяли «полуторку» на окраине: бабушке с тётей две комнаты и деду – комната. Без всяких доплат. Дед потом добавил и купил квартиру, пусть и однокомнатную. В кредит влез. До сих пор выплачивает. А молодуха его и в ус не дует.

Хочет работает – хочет нет. И погуливает, говорят. А чего удивляться? Детей у них нет (постарели дедовские сперматозоиды), а жизнь есть. Что ещё делать в этой жизни?

По праздникам дед навещал бабушку с тётёй (то есть с родной своей дочкой), в гости к сыну, отцу Димона ездил. Димона, внучонка единственного, порой с пенсии, баловать пытался: пирожные покупал и другую сладкую ерунду. Димон благодарит деда, не более. Он к нему не испытывал привязанности. Слышал разговоры отца с матерью, да и собственные мозги включил, и выводы высветились сами собой: «Для чужого человека кредит взял, а больной жене с родной дочерью – шиш. Сам в отдельной квартире, а они?»

Теперь Димон даже злорадствовал. Пусть узнает дед, что внук, не кто другой, дворец для своей бабушки построил. Она, как королева жить будет! В японском саду будет кроссворды свои любимые разгадывать, сидя в плетёном кресле. Вот так вот!

Обязательно он привезёт деда в коттеджный подмосковный посёлок, обязательно. И молодуху его! Смотрите и учитесь, как надо жить. Бизнес-класс! Территория огороженная, с охраной, видеокамеры кругом. Архитектура – закачаешься! Барокко. Ладно, не совсем так, ну, «под барокко». Архитектор – почти Растрелли! Вот там – таунхаусы, а вот там – дуплексы. Не знаете, что такое дуплексы? Немудрено. Время-то идёт, время-то меняется. Появляются новые уникальные дома, где семьи могут жить, не мешая друг дру-

гу. Дуплекс – дом на две семьи. С отдельными входами! Но он, Димон, купил отдельный коттедж. (Коттедж престижнее). Земельный участок есть свой. Шесть с половиной соток. Немного. Но на старой даче было всего пять. Дачу продали за бесценок в голодные годы, а сейчас эта земля миллионы стоит. Но он, Димон, возместил убытки, более того, обошёлся собственными средствами. Старался. Трудился. И вот результат!

А потом Димон подумал, что не стоит так на деда напирать. Сдал дедок. Годы неожиданно взяли своё. От бывлой его моложавости не осталось и следа. Как по-другому? Если ему, Димону, внуку родному, уже по тридцать? То сколько деду?

...

...Бабушка заохала-запричитала. И второй вход есть на первом этаже, что можно прямо из дома на террасу шагнуть! Летом чай можно пить на террасе. А зимой ёлку наряжать. «Ой, Дим, а давай посадим ёлочку! – стала просить бабушка. – Вот там, у стены, там сподручнее. Потому что гирлянду вешать можно будет, розетка электрическая поблизости». Димон кивает. Пусть растёт елочка, если приживется. С ландшафтными дизайнерами нужно посоветоваться, они лучше знают про елки, они – профи, видите, какой садик перед домом отчебучили? Бабушка охотно соглашается: ну, конечно, мнение специалистов – закон, а сама млеет от сочетания «ландшафтный дизайнер». Хорошее сочетание, сильное. Даже не верится, что такое сочетание теперь доступно

им, Сальниковым.

Они с тётёй вышли на улицу и несколько раз обошли вокруг дома. Лепнина! А вот там отпечатан царский герб! А балкон какой изумительный! Потом они зашли обратно в дом и стали «разбирать на запчасти» кухню. Ящики удобные, как открываются интересно. А это что? А это? Встроенная хитроумная полочка-панель, куда можно баночки разные ставить, соль-сахар-соду, минералочку, а потом полочку задвинул, и найди попробуй! Спряталась полочка. А духовка какая! Это ж не духовка, а песня! Кстати, можно ли вторую такую поставить, электрическую? Димон нахмурился: «Вторую духовку зачем, электрическую к тому же? Посёлок газифицирован. Газ природный, дешёвый». А бабушка таинственно поясняет: «Пирожков больше напечь можно. За раз два противня получится! Всех соседей тогда угостим!»

Печь пирожки – это бабушкина страсть. Ей безумно нравится сам процесс приготовления. А угощать как любит!

Тут она спохватилась. А познакомиться-то? С соседями-то? Тётя туда же. Скорей, посмотреть, кто где живёт. Тётя была безмужняя и бездетная. В общении нуждалась.

Поэтому с радостью ускакала на улицу, утянув бабулю за собой. И ну, бродить! Посёлок красивый, загляденье. Дорожки выложены красным кирпичом. Скамеечки чугунные и с витыми чугунными гроздьями винограда. Детские площадки с качелями и деревянными смешными фигурками. Фонари, как из сказки! Клумбы! А вот и люди. Бабуля с тётё-

тей увидели одних – на «кадиллаке» подъехали – и бабушка сразу с места в карьер: «Здравствуйте! Мы Сальниковы. Соседи ваши. Меня Галина Дмитриевна зовут. Я учительница, раньше преподавала черчение и изобразительное искусство. Теперь на пенсии. Буду жить здесь, в этом доме. Внук подарил!!! Представляете? Я говорю: „Зачем, Димочка? У меня же квартира!“ А внучок: „Хочу, чтоб хорошо тебе было, просторно, чтоб свежий воздух был, и чтоб Офелии было, где гулять“. Офелия – это кошечка моя. Почти семь лет ей, старенькая. На улицу просится, а как её выпустишь? Потеряется ещё! Котята – пусть. А вот потеряется если... Но здесь смотрите, как хорошо! Травка, газоны. Беседки. Не потеряется Офелия, как вы думаете? Я тоже думаю, что не потеряется. Как привезу её, так сразу вам и покажу. Простите, отвлекаю вас. Да-да, время, проведённое с друзьями, время, проведённое не зря! Вот напеку расстегаев – чтоб были у нас обязательно! Обещаете? Спасибо. Очень приятно было познакомиться. Мне всегда импонировали интеллигентные люди!»

А тётя в это время изучала «таунхаусные» дома, потом всё переспрашивала, правда, что они трёхэтажные? Ну, каждая квартира в три этажа? Так интересно! А там дальше, что? Что ещё за поле? Теннисный корт! Боже мой, вы только посмотрите, настоящий теннисный корт! И можно просто так приходиться и играть в большой теннис? Надо прийти. Тётя захлопала в ладоши, как будто бы всю жизнь только и дела-

ла, что махала ракеткой.

А бабушка опять кого-то выцепила и вновь на расстегаи зовёт. Те радуются, улыбаются, головами кивают. Тут тётя идёт, у неё другая программа в голове созрела: интересуется, где правление посёлка. Тетя тоже на пенсии, могла бы клумбами заняться. А то клумбы, хоть и красивые, но запущенные. Никакого творчества! Все сплошь белыми ширпотребовскими «жемчужинками» да маргаритками засажены, скучные клумбы. И не выполоты толком! Вот тётя переедет, и тогда все цветники поселковые новую жизнь обретут.

Димон слушал краем уха и наслаждался. Вот оно, счастье, рядом, а он этого не знал. Какой же он дурак!

...

И в этой нью-йоркской квартире сердце у него так же счастливо прыгало. Он не ожидал такого поворота событий и даже мысленно спрашивал: «Она тоже мне близкий человек?» Это про Алису. И это было странно.

Алисе двадцать, но она только входила в пору. Детскость не испарилась, но не выпирала уже столь явно, как в Москве. Два года прошло. И два года – это срок!

Он любовался Алисой. Смуглой, темноглазой, в этом нежно-голубом платье.

– Чего смотришь? – улыбнулась Алиса.

– Тебя смешно здесь называют. Алисия!

В Америке её именно так и стали звать. Алисией. Порой, Лис, а чаще даже просто Ли.

– Почему смешно? – спросила она.

– Потому что непривычно. Это слишком почтительно и подходит больше к взрослым женщинам, – ответил Димон и чуть было не покраснел, почувствовав, что разговор скатывается в романтическое русло.

– Торт! – вдруг закричала Алисия и умчалась на кухню.

Через минуту кондитерское трёхъярусное чудо было щедро напластано на огромные куски.

Димон дурашливо затряс головой:

– Надпись на подиуме: «Манекенщиц не кормить!»

Алиса хихикнула и, нисколько не смущаясь, принялась раскладывать пропитанные сиропом куски на фарфоровые блюдечки с цветочками. Она любила сладкое и при каждой возможности наедалась всласть. Девчонки ей завидовали, надо же, сколько калорий потребляет и хоть бы где что отложилось. Не полнеет! А Димон твердил: «Вот это и есть порода».

– Угощайся! – протянула она ему блюдце.

Он молчал уставился на неё.

– Не хочешь? Устал? Отдыхай! – Алисия даже забеспокоилась.

– Блюдца мне твои нравятся. В цветочек, – плотоядно проговорил Димон.

– И чашки такие же. И сахарница! И чайничек! – живо откликнулась она. – Это моё приданое.

Димон с деланным удивлением уставился на неё.

– У-у-у! Да ты уж замуж собралась?

– Ещё чего! – фыркнула Алисия. – Я убеждённый холостяк.

У Димона отлегло от сердца. Опасность миновала. Теперь можно было расслабиться.

Он взял блюдце с тортом и по-клоунски «в один кус» его проглотил.

– Бабушки мне на моё рождение вот этот сервиз купили, на золотые серёжки денег не хватило. В сервант потом сервиз спрятали, говорят, возьмёшь, когда замуж выйдешь.

Димон с напущенной строгостью на неё набросился:

– Замуж не вышла, а сервиз взяла! Нечестно! Где справедливость на этом свете?

Алисия удивлённо:

– А если я никогда замуж не выйду, так что, сервизу таки пылиться в серванте?

Димон опустил глаза и кротко изрёк:

– Логично.

Алисия пояснила:

– В Америку когда собиралась, бабушки в оба уха: «Посуда там дорогая. Свою возьмёшь. Не траться в Америке на посуду!»

– Они что в Америке были? – хмыкнул Димон.

– Не, – облизывая кусок, откликнулась Алисия. – Просто посуда везде дорогая. Если она хорошая, качественная. А мой сервиз – супер!

Димон расплылся в улыбке:

– И экономная Алисия Зингер купила билет на Северный Урал, чтобы съездить за Уральские горы и привезти в Москву чайный сервиз, а из Москвы привезти его потом в Нью-Йорк.

– Не! – качнула головой Алисия, всерьёз занятая вкусным тортом. – Берта Тимофеевна с папкой привезли. А уж мне пришлось попыхтеть, чтобы его как следует упаковать. В целостности-сохранности надо довести! Чтобы не разбился! Его же в багаж надо сдавать, а там чемоданы все шурум-бурум. В общем, сама удивляюсь, как я его могла сохранить. Он заговорённый!

– Я так и понял! – с трагической ноткой в голосе сказал Димон.

У Сальниковых тоже был сервиз, к которому относились особо и доставали из кухонного буфета только по праздникам. Сервиз был афганский, с удивительной экзотической росписью – то ли драконы нарисованы, то ли ещё что – фарфор прозрачный: стоит чашку к свету поднести – изнутри высвечивается рисунок с внешней стороны. Подарок двоюродного дяди, отгрубившему в Афгане положенный срок и служившему там в дальнейшем по контракту. Но сервиз был скорее реликвией, нежели бытовой посудой. И уж, конечно, при переезде куда-либо его бы попросту оставили родственникам. И Димону Алисино приданое казалось верхом непрактичности и деревенским чудачеством.

Затрезвонил домофон, Алиса, сооротив загадочную гримасу, убежала. Вскоре хлопнула дверь и послышались изящное цоканье каблучков, сопровождающееся жеманными дамскими приветствиями.

– Дорогая моя, поздравляю! – пропел красивый женский голос.

– Спасибо! – смеялась Алиса в ответ. – Но я же не праздную! Зачем?

– Затем, что нужно. Я и то праздную! – игриво заметил голос. – А старше тебя на целых четыре года. Чего это ты босиком? В таком платье! Как говорится, без порток и в шляпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.